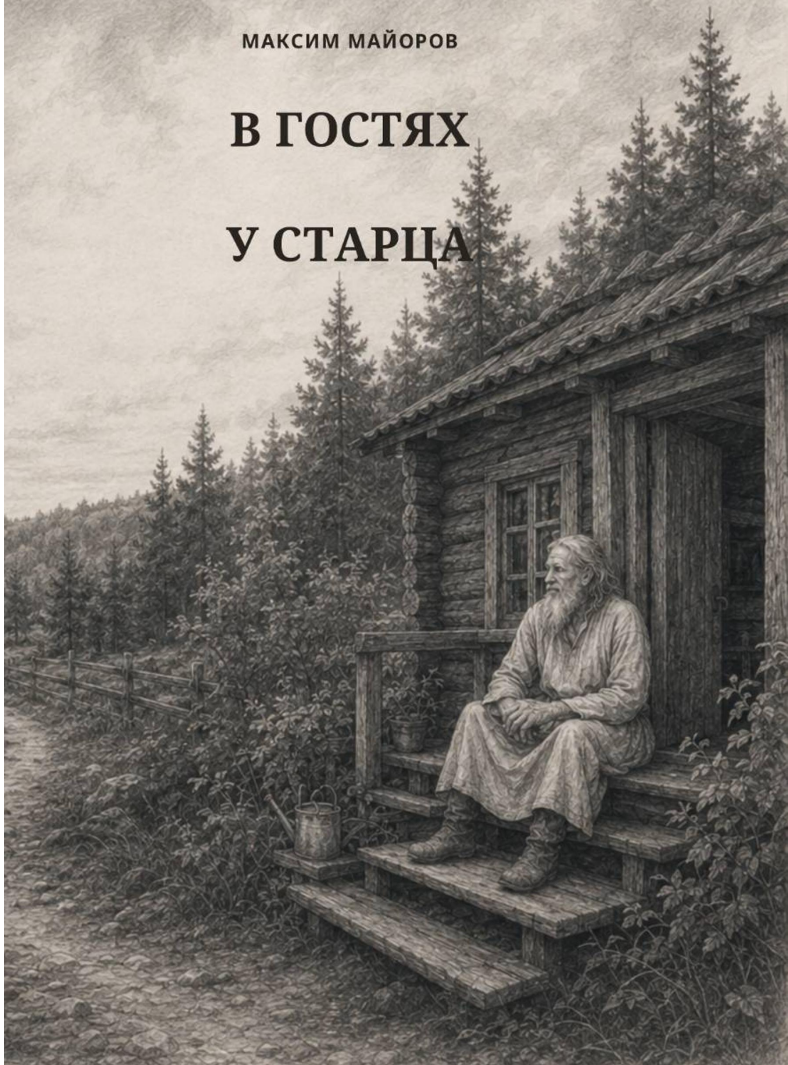

МАКСИМ МАЙОРОВ

В ГОСТЯХ У СТАРЦА

Максим Майоров

В гостях у старца

<https://litres.ru/74389847>

SelfPub; 2026

Аннотация

Максим привык решать сложные задачи, отвечать за людей и держать жизнь под контролем. Но однажды привычные способы перестают работать, и дорога приводит его в дом Прохора — человека, рядом с которым невозможно спрятаться за правильными словами и готовыми объяснениями.

За обычными разговорами, работой, тишиной и простыми поступками Максим постепенно замечает, сколько решений в его жизни принимали страх, чужое мнение и привычка быть нужным.

«В гостях у старца» — роман о свободе, ответственности, любви и возвращении к собственной жизни без обещаний простых ответов.

Содержание

Введение	4
1. Нормально	13
2. Решение	24
3. Дорога	36
4. Зачем я здесь?	53
5. Привычка спорить	65
6. Детям можно играть на полянке	81
7. Прыжок	93
8. Шаг	110
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Максим Майоров

В гостях у старца

Введение

Море ласково окутывало песок и камни лагуны. Лёгкие волны, накатываясь на берег, играли камушками и ракушками: то выбрасывали их вперёд, то, уходя домой, тянули за собой. Шумели они совсем негромко — скорее шелестели, как опавшая листва в тихом осеннем парке.

Открыв глаза, я некоторое время просто слушал прибой. Сон уже отступил, но вставать совсем не хотелось. Я снова закрыл глаза и глубоко вдохнул. Свежий утренний воздух входил легко, до самого дна лёгких, и в нём смешивались море, хвойный лес и цветущие луга.

Лагуна лежала между грядами скал, почти со всех сторон закрывавшими её от материка. Солоноватый воздух поднимался с воды, упирался в каменные склоны и оседал на лесах и полях, а ветер с материка спускался обратно, собирая по дороге запах хвои, трав и цветов. Когда эти два потока встречались над лагуной, воздух становился густым, прохладным и таким свежим, что хотелось дышать медленно, растягивая каждый вдох.

Сегодня ветер шёл сразу с двух сторон. Море шумело сво-

им голосом, лес отвечал ему шелестом, и всё это смешивалось где-то над домом, у открытого окна. Я лежал, слушал и никуда не торопился.

Утро, однако, имело на этот счёт своё мнение. Луч солнца пробрался между ставнями и настойчиво стучал в веки, перебегая с одного на другое.

— Доброе утро! — произнёс я, открыл глаза и потянулся. Рядом крепко спала моя дорогая и горячо любимая жена. «Опять вчера сидела до глубокой ночи», — промелькнула в голове шустрая мысль.

Накануне мы устроили для неё кинотеатр прямо в море. Между двумя шестами, приделанными к буйкам, натянули лёгкую ткань: ветер она пропускала, а изображение от проектора держала прекрасно. Лариса от такого счастья нарадоваться не могла. После ужина утащила к воде кресло, колонки, проектор и до середины ночи баловалась со всем этим хозяйством, меняя фильмы и настраивая звук.

Благодать какая — сидишь у моря, а кино показывают прямо на воде!

Днём она почти всё свободное время проводила в саду и цветнике. Там у неё был свой порядок, в который я без особой необходимости старался не вмешиваться. Иногда это даже получалось.

Я осторожно поднялся, чтобы её не разбудить, и отправился в ванную. Белый камень ещё хранил ночную прохладу. Ванная была большой, разделённой на женскую и мужскую

части. За годы я привык к ней настолько, что давно уже не рассматривал ни мрамор, ни размеры.

После душа я прошёл в гардеробную. Она была отделана резным деревом в старинном стиле — работа мастера, которую и сейчас хотелось разглядывать. Вещей внутри было немного, и выбирались они теперь прежде всего за то, как сделаны и насколько удобны: рубаша, хорошо сидящие брюки, обувь, в которой можно пройти пять километров и не вспоминать о ней на втором.

Когда-то всё было иначе. Я знал марки, коллекции, цены и мог по маленькому значку на манжете понять, что на человеке надето. Теперь мне нравились вещи без кричащих лейблов — хорошая ткань, хороший крой, хорошая работа. Они могли стоить дорого; просто больше не обязаны были сообщать об этом каждому встречному.

Я надел рубашу, брюки и удобные ботинки и отправился на виноградник, оставив завтрак и прочие домашние дела на потом. Лариса проснётся — вместе поедем.

До виноградника было около пяти километров, час-полтора спокойным ходом. Доехать можно было за несколько минут, но утренняя прогулка по дороге, наполненной головами природы, всегда была мне в радость. Дорога сначала шла вдоль склона, потом ненадолго пряталась между соснами и снова выходила к открытому полю. Высоко в небе парил сокол, очерчивая круг за кругом.

«Завтрак высматриваешь, охотник», — подумал я, наблю-

дая за его движением по ветру.

Крылья почти не двигались. Сокол просто ложился на поток, немного менял угол и поднимался выше. Полёт, в котором не было борьбы, — одно купание в ветре. Вся природа медленно просыпалась, и по мере того, как солнце выбиралось из-за скал, вокруг становилось всё больше звуков.

Виноградник начинался за невысокой каменной стеной. Я прошёл между рядами, сорвал одну ягоду и раздавил её языком. Сладость уже появилась, но терпкая кислинка ещё держалась.

Почти созрела. Ещё неделька — и можно начинать сбор.

Ещё неделька — и эти спокойные ряды заполнятся людьми. Гроздья будут снимать руками, осматривать, аккуратно укладывать в небольшие ящики и увозить на производство. Виноградник был разбит на участки: там рос кокур, дальше — кефесия, за ним — красностоп, и так несколько сортов, каждый со своим характером и своими капризами.

На краю дальнего участка я заметил стройную, сухую, немного сутуловатую фигуру.

Агроном. Вот он, ранняя пташка.

Он, как всегда, что-то изучал, наклонившись к лозе так близко, будто она собиралась сообщить ему важную тайну. Земля, растения, насекомые, птицы и вся виноградная живность были ему интересны. В междурядьях росли травы, которые он специально подбирал, а кое-где спокойно паслись овцы — наши добровольные производители удобрения. С

научными работниками он мог спорить долго и обстоятельно, но применять на земле то, что считал для неё губительным, отказывался категорически.

Его девиз был прост:

— Земля и природа должны быть живыми.

Я помахал ему рукой. Он на секунду поднял голову, прищурился, едва заметно махнул в ответ и снова склонился к листьям. Всё правильно. У человека работа.

В винодельне было прохладно. Я прошёл через основной зал и спустился в погреб, ведя ладонью по бочкам. Здесь пахло влажным камнем, дубом и вином — запахом, который невозможно было спутать ни с чем другим.

Вино живое, и жизнь его течёт по своим особым законам. Медленно — и одновременно удивительно быстро. Весной на лозе только появляется будущая ягода, летом она растёт, набирает сок и сахар, к осени созревает, и тогда виноградник, ещё вчера тихий, наполняется людьми. Грозди снимают, перебирают, отправляют на дробление, и дальше начинается совсем другая жизнь — шумная, тёплая, пахнущая соком, кожицей и брожением.

Молодое вино рождается буйным. Дрожжи забирают сахар, сусло бродит, греется, поднимается, будто ему тесно в ёмкости и оно торопится поскорее стать собой. Потом буря постепенно стихает. Начинается винификация, выдержка, переливы, работа винодела — и то, что сначала казалось просто сладким виноградным соком с характером, шаг за шагом

собирается во вкус.

По человеческим меркам всё происходило быстро: год, полтора — и молодое вино уже можно было разливать. Потом бочки уходили в прохладу погреба, и начиналась та часть его жизни, в которой спешка только мешала. Снаружи будто ничего не происходило, а вкус продолжал меняться.

Лариса, впрочем, молодое вино любила больше выдержанного. Ей нравились его неровность, игривость и только намечающийся будущий вкус. На полуострове каждый год проходили фестивали молодого вина, и она охотно пробовала его, сравнивала, возвращалась к понравившемуся. Возраст бутылки сам по себе её никогда особенно не впечатлял.

Я шёл вдоль рядов бочек. На каждой мелом был написан год, и цифры постепенно возвращали в прошлое.

Год...

Два...

Три...

Пять...

Возле одной бочки я остановился.

Первая.

За пять лет до неё мы купили эту землю и заложили виноградник. До первой бочки было ещё далеко: лозе предстояло прижиться и вырасти, винодельню нужно было сначала придумать, потом построить, а то, что на чертеже выглядело простой линией, на земле почему-то каждый раз превращалось в работу. Пока мы жили внутри этих пяти лет, они тяну-

лись долго. Теперь умещались в нескольких воспоминаниях.

Я помнил тот год очень хорошо. Винодельню наконец запустили, мы переехали в дом, а в погреб легло первое вино с нашей земли. Оно было ещё слишком молодым, чтобы им хвастаться, но сама бочка уже существовала. Её можно было потрогать рукой. Для меня это всегда много значило.

Я положил ладонь на дуб и задержался возле неё дольше обычного. Почему-то именно здесь память легче всего уходила назад — мимо покупки земли, первых лоз и стройки, ещё дальше, на десять лет, в Москву.

В серое утро за окном, в телефон, который начинал звонить раньше будильника, в стол, заваленный бумагами, и работу, которую я любил настолько, что почти разучился от неё отдыхать.

Тогда не было ни этого погреба, ни виноградника, ни дома у моря. Даже мысли о них не было.

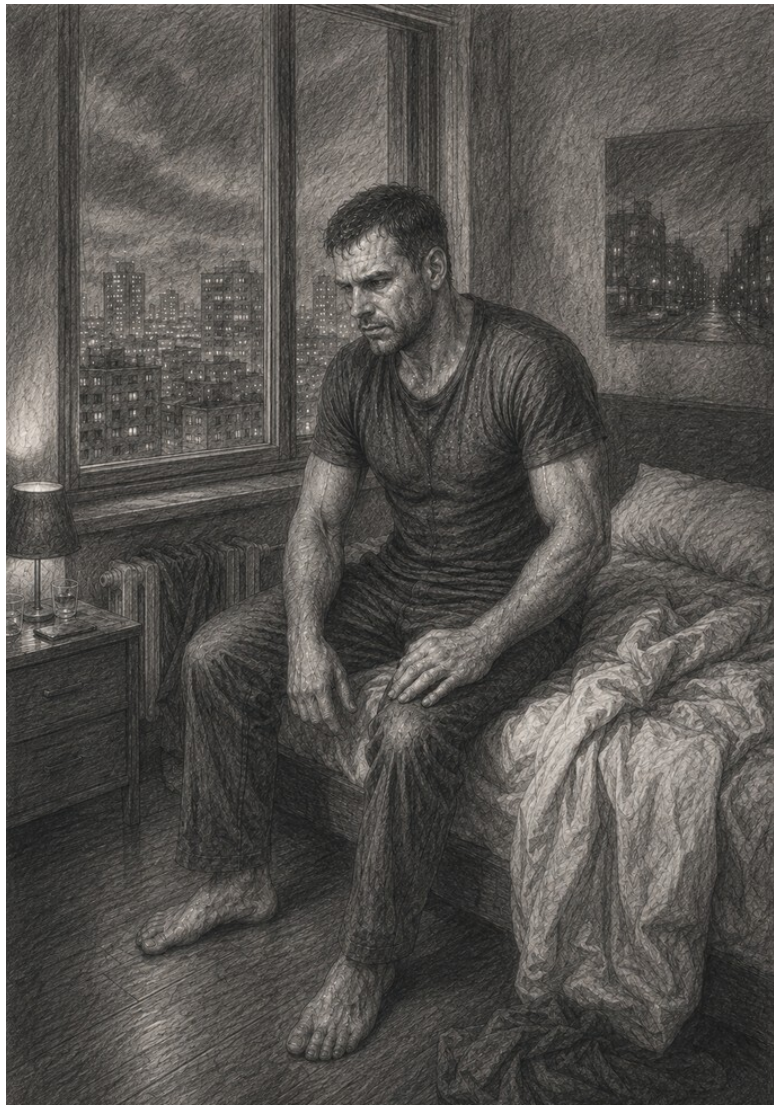
Была другая жизнь, вполне устроенная, успешная и совершенно привычная.

Если бы в то время кто-нибудь остановил меня посреди обычного рабочего дня и спросил:

— Максим, ну как ты вообще живёшь?

Я бы, скорее всего, удивился самому вопросу. Потом пожал плечами и ответил словом, которым удобно закрывать слишком многие разговоры:

— Нормально.

1. Нормально

Я лихорадочно жму на тормоз и не могу остановить машину. Она притормаживает, но продолжает движение. Раз за разом я вдавливаю педаль в пол — безрезультатно.

В голове одна за другой вспыхивают мысли.

«На обочину».

Обочины нет.

«Прижаться к бордюру».

И бордюра нет. Вокруг вообще ничего нет — ни ограждения, ни дерева, ни другой машины, обо что можно было бы погасить скорость. Только дорога, уходящая неизвестно куда, и исправная, почти новая машина, которую я совсем недавно забрал с технического обслуживания.

«Да что с тобой? На панели ни одной ошибки. Всё работает. Всё должно работать!»

А она едет.

Впереди постепенно проступает тёмное пятно. Я всматриваюсь, пытаюсь понять, что там — поворот, стена, машина, — но пятно быстро растёт, и времени разбираться уже нет. Подтягиваюсь на руле, переносу на тормоз обе ноги и давлю изо всех сил.

За секунду до удара я вылетаю из сна, вскакиваю на кровати и несколько мгновений не понимаю, где нахожусь. Сердце колотится, футболка прилипла к спине, а правая нога всё

ещё давит вниз, пытаюсь найти педаль тормоза.

Рядом пошевелилась Лариса.

— Опять этот сон? — спросила она сонным голосом.

— Спи. Всё нормально.

Она положила ладонь мне на спину и тут же отняла.

— Ты мокрый весь.

— Жарко.

Лариса ничего не сказала. Я посидел ещё немного, дожидаясь, пока сердце перестанет молотить в груди, потом собрал одежду и тихо вышел из спальни.

Сунув голову под ледяную струю, я окончательно прогнал сон. Но тревога никуда не делась. Я стоял над раковиной, смотрел, как вода стекает с лица, и снова видел перед собой дорогу. Этот сон снился уже не первый раз. Раньше — изредка, потом чаще, а в последние недели начал возвращаться с такой настойчивостью, словно ему от меня что-то было нужно.

«Надо с кем-нибудь поговорить».

С кем?

И что я скажу? Здравствуйте, у меня во сне не работают тормоза, хотя машина исправна?

Я усмехнулся своему отражению.

Кому я вообще жалуюсь?

В моей жизни всё нормально. Даже по московским меркам — очень и очень нормально. Квартира в хорошем зелёном районе, рядом пруды и парк. Гардероб ломился от ве-

щей; многие были куплены не за рубли и не в России, а на них пестрели лейблы пафосных брендов из бутиковых каталогов. Во дворе стояла хорошая японская машина — не тот автомобиль, возле которого люди фотографируются, но надёжный, удобный, почти новый. За городом был дом с участком, садом, беседкой, бассейном и обязательным мангалом, без которого русский загородный дом, наверное, не имеет права называться загородным.

Работа тоже была нормальная. Должность — приличная. Ответственности столько, что иногда хотелось выдать её кому-нибудь вместе с должностью, но это уже мелочи.

Всё нормально.

Так почему же мне всё чаще хотелось куда-нибудь из этого «нормально» исчезнуть хотя бы на несколько дней?

Телефон, оставленный на стиральной машине, коротко вздрогнул и зазвонил. Я машинально схватил его прежде, чем успел подумать, хочу ли вообще сейчас кому-нибудь отвечать.

Экран был забит сообщениями. Несколько пропущенных звонков, почта, рабочие чаты. Руководитель написал ещё ночью: «Утром срочно обсудить финансирование. До разговора рабочим ничего не обещаю».

Ниже уже светилось новое:

«Максим, ты на связи?»

Я посмотрел на часы. Без четверти семь.

«Да», — ответил я.

Вот и поговорили о сне.

На кухне зашумела кофемашина. Я нажал кнопку и, пока кофе тёмной струйкой стекал в чашку, уже звонил начальнику участка.

— Максим Викторович, у меня люди сегодня не выходят.

— В смысле не выходят?

— В прямом. Сказали, пока зарплаты не будет — работать не станут.

Я прикрыл глаза. Про задержку я знал. Не знал только, что терпение у людей закончилось именно сегодня.

— Почему вчера никто не сказал?

В трубке помолчали.

— Вчера ещё надеялись.

— На что?

— На вас.

От этих двух слов между лопатками знакомо потянуло. Я развернулся к окну. За стеклом только начинало сереть утро, машины во дворе стояли мокрые после ночного дождя, а у меня в голове уже быстро раскладывалось, кому звонить, кого собирать и где искать деньги, которых у меня, разумеется, не было.

— Собери людей. Я после обеда приеду.

— А им что сказать?

— Скажи, что я приеду.

— Они спросят про деньги.

Я посмотрел на чашку. Кофемашина давно замолчала.

— Я разберусь.

Отключился и тут же набрал руководителя.

Он ответил почти сразу, будто тоже ждал именно моего звонка.

— Люди остановили объект.

— Уговори потерпеть ещё несколько дней.

— Они уже полгода терпят. Зарплату выдают кусками: кому сегодня, кому через две недели, кому через месяц.

— Максим, ты руководитель проектов. Мне сейчас не нужны проблемы с рабочими, мне нужен работающий объект.

Я хотел спросить, каким именно способом сделать работающий объект без людей и денег, но вопрос был настолько очевидным, что даже произносить его не хотелось.

— Понял.

— Вот и реши.

Связь оборвалась.

Кофе оказался уже тёплым, почти холодным. Я сделал глоток и поморщился. За последние месяцы я столько раз пил его таким, что можно было постепенно считать это отдельным способом приготовления.

Лариса вошла на кухню в халате, босиком, с ещё сонным лицом. Села напротив и некоторое время молча смотрела, как я отвечаю на сообщения.

— Доброе утро, — сказала она.

Я поднял голову.

— Доброе.

— Уже работаешь?

— Похоже, работа начала раньше меня.

Она улыбнулась, но ненадолго.

— Сегодня вечером поговорим?

— Конечно.

Я ответил так быстро, что сам едва услышал своё «конечно».

В последнее время мы часто договаривались поговорить вечером. Потом я возвращался поздно, иногда совсем поздно, молча ел то, что Лариса оставляла на кухне, ещё кому-нибудь звонил, отвечал на почту и говорил, что завтра станет поспокойнее.

Но на следующий день спокойнее не становилось.

Я допил кофе, поцеловал Ларису и пошёл одеваться.

Во дворе меня ждала та самая машина из сна — чистая, исправная и совсем недавно прошедшая техническое обслуживание. Сев за руль, я почему-то не стал сразу заводить двигатель. Нажал на тормоз и подержал ногу на педали.

Твёрдая.

Нажал ещё раз.

Всё как положено.

«Вот и хорошо».

Машина послушно стояла на месте, а спокойнее от этого не стало.

Москва встретила мокрым асфальтом и красными огня-

ми впереди. Через двадцать минут я встал в пробку, знакомую до такой степени, что мог почти без карты угадать, где именно она начнёт двигаться, а где снова намертво встанет. Полтора часа рывков по несколько метров, и за это время я успел поговорить с заказчиком, снабжением, инженером и ещё раз с руководством.

Разговоры были разные, заканчивались одинаково.

— Я разберусь.

Когда добрался до офиса, ощущение было такое, будто половина рабочего дня уже прошла. Свободного места на стоянке, конечно, не оказалось, и я поставил машину у ворот, перекрыв служебную «Газель».

Охранник высунулся из будки.

— Максим Викторович, там нельзя.

— Я на пять минут.

— Вчера тоже было на пять минут.

— Переставлю.

Он только покачал головой. Я уже бежал к двери.

В приёмной ждали трое. Снабженец с пачкой счетов, инженер с графиком и бухгалтер с ведомостью. Я ещё не успел снять куртку, а они уже поднялись мне навстречу.

— По одному, — сказал я.

В кабинет вошли все вместе.

Дальше началось привычное. Поставщики не отгружали материал, пока мы не погасим старые долги. По графику два объекта должны были закончиться ещё в прошлом месяце,

хотя на одном не хватало людей, а на втором материалов. В зарплатной ведомости снова не было отметки об оплате. Полгода фирма жила от обещания до обещания: сначала задерживали на неделю, потом на две, потом начали выдавать деньги частями, и каждый раз к людям выходил я — потому что людей надо было удержать, объект надо было строить, заказчику надо было что-то отвечать, а руководству хотелось, чтобы всё это происходило одновременно и желательно без лишнего шума.

Я умел договариваться. С рабочими, которые уже никому не верили. С подрядчиками, которые грозились забрать людей. С заказчиком, которому совершенно неинтересно, почему у нас нет денег. Иногда мне удавалось развести конфликтующих по разным углам, иногда выторговать ещё неделю, иногда найти решение там, где его вроде бы не было.

Сегодня ничего не находилось.

— Максим Викторович, что людям говорить? — спросила бухгалтер.

Телефон снова зазвонил. На столе лежали счета, график, ведомость, а за дверью уже кто-то ждал своей очереди. Я почувствовал, как раздражение поднимается откуда-то из живота, горячее, быстрое, почти приятное своей определённой.

Виноватых вокруг хватало: руководство обещало то, чего не могло выполнить, рабочие остановили объект, инженеры снова не выдержали сроки, заказчик требовал своё и совер-

шенно не собирался входить в наши обстоятельства. Хотелось выбрать кого-нибудь одного, разозлиться как следует и наконец понять, что делать дальше.

Телефон звонил.

Я посмотрел на него и впервые за утро не ответил.

Перед глазами снова появилась дорога. Машина исправна. Нога давит на тормоз. Скорость не уменьшается.

«Что-то надо делать».

И почти сразу вслед за этой мыслью пришёл другой, старый и до боли знакомый вопрос:

«Кто виноват и кого наказать?»

2. Решение

Перезагрузиться.

Богатый русский язык. Стоило компьютерам прочно войти в нашу жизнь, как мы тут же отобрали у них удобное слово и стали примерять его на себя. Компьютер завис — перезагрузил. Телефон начал работать через раз — выключил, включил, и вроде снова всё в порядке. С человеком так не получится. Не выключишь себя на десять секунд и не включишь заново без вчерашних разговоров, обещаний, долгов и людей, которые ждут от тебя решения.

Я сидел один в кабинете. За дверью кто-то ходил, разговаривал, телефон на столе успел замолчать, но я прекрасно знал: ненадолго. Перезагрузиться — хорошо звучит. Только что это означает на самом деле? Отдохнуть? От чего — от работы, которую потом всё равно придётся разгребать? Уехать? Куда и, главное, когда? У взрослого человека есть обязанности. Если взялся — делай. Пообещал — выполняй. На тебя рассчитывают — будь на месте.

Надо.

Это слово годами прекрасно закрывало любые вопросы. Надо работать, решать, выполнять обещанное, терпеть, если тяжело, и не придумывать себе лишнего.

«Кому надо?»

Вопрос возник так тихо, что я не сразу понял, откуда он

взялся. Не голос даже — скорее мысль, на которую впервые не захотелось тут же набрасываться с привычным ответом.

Я откинулся на спинку кресла и посмотрел в монитор. Поверх рабочего графика висели почта, таблица с финансированием и переписка по объекту. Чтобы хотя бы на минуту ничего из этого не видеть, я начал закрывать окна одно за другим и добрался до рабочего диска. Проекты, отчёты, документы, кадры... Среди знакомых названий попалась папка «Отпуск».

Я усмехнулся и открыл график. Моя фамилия стояла напротив даты через полгода. Всё было правильно: к тому времени нынешние объекты должны быть сданы, расчёты закончены, долги закрыты, а компания, по всей видимости, наконец превратится в образец финансового благополучия и всеобщего душевного здоровья.

От этой мысли стало смешно.

Через полгода появятся другие объекты. Кто-нибудь уволится, заболеет, сорвёт сроки, не заплатит или не подпишет очередную бумагу. Потом случится ещё что-нибудь, и я снова найду разумную причину отложить отпуск.

Рядом с графиком лежала папка с шаблонами заявлений. Я открыл её и несколько секунд смотрел на пустую форму. «Закрой».

Вот это уже было привычно и понятно.

Я положил руки на клавиатуру и заполнил строку за строкой: фамилия, имя, отчество, должность. Потом дошёл

до главного: «Прошу предоставить ежегодный оплачиваемый отпуск продолжительностью четырнадцать календарных дней...»

На дате остановился.

С ближайшего понедельника.

До него оставалось всего несколько дней.

Я перечитал заявление. Потом ещё раз. На экране всё выглядело совершенно буднично: фамилия, должность, две даты, место для подписи. Такие заявления люди пишут каждый день. Моё же выглядело так, будто я не отпуск просил, а сообщал всем: дальше разбирайтесь без меня.

Люди сидят без зарплаты, объекты стоят, поставщики ждут денег, заказчики звонят с утра до ночи — и я в отпуск.

Можно было закрыть файл. Никто даже не узнает. Через пять минут я снова начну звонить, ругаться, договариваться, искать деньги и к вечеру, скорее всего, что-нибудь сдвину с места. А потом приду домой и скажу Ларисе, что день был тяжёлый, но всё нормально.

Я нажал «Печать».

Принтер в углу загудел, протянул лист и положил его в лоток. Я взял ручку, расписался и почти сразу пожалел, что сделал это так быстро: пока подпись не стояла, всё ещё можно было считать минутной глупостью.

Генеральный разговаривал по телефону. Я постучал и вошёл. Он махнул рукой на кресло, продолжая кому-то объяснять, что деньги будут «вот-вот». Я остался стоять.

— Что ещё? — спросил он, наконец положив трубку.

Я протянул заявление. Он пробежал глазами первые строки, задержался на дате и поднял глаза.

— С понедельника? На две недели?

— Да.

— Максим, ты серьёзно? У нас объекты стоят. Рабочие сегодня отказались выходить. Поставщики без денег ничего не отгружают.

— Знаю.

— И ты сейчас приносишь мне отпуск?

Вопрос был справедливый. Настолько справедливый, что я уже начал мысленно забирать заявление обратно. Передам дела, подготовлю графики, останусь на связи, если понадобится — приеду. Я знал все слова, которыми можно было успокоить его и одновременно отменить собственное решение, даже не произнося слова «отмена».

Но сказал другое:

— Мне нужны две недели.

Генеральный откинулся в кресле.

— Неделя.

Я отрицательно покачал головой.

— Две.

Он всмотрелся в меня внимательнее, потом зачем-то снова перечитал заявление, хотя нового там ничего появиться не могло.

— До пятницы передашь всё по объектам. Не просто пап-

ки на стол положишь — передашь людям. И телефон держи включённым.

— Хорошо.

— Если что-то действительно серьёзное...

— Позвоните.

Он ещё немного помолчал и подписал.

В приёмной секретарь забрала заявление и отнесла его в кадры. Будничнее некуда. Отпуск уже был не моей дурной мыслью, а подписанной бумагой, которую унесли оформлять.

Вернувшись в кабинет, я некоторое время смотрел на монитор, не понимая, что делать дальше. Обычно любое принятое решение тут же обрастало следующим десятком задач, и отпуск исключением не стал.

Куда ехать?

Море не хотелось. На фотографиях отелей всё было слишком знакомо и правильно: бассейны, ровные ряды лежаков, одинаково счастливые люди. Горы тоже не звали. Хотелось тишины — такой, чтобы утром не слышать соседей за стеной, вечером машин под окнами, а днём никто не спрашивал, где я и почему не отвечаю.

Среди обычных предложений попалась аренда домов в деревне, и я стал листать уже внимательнее. Вскоре нашёл дом в Мордовии: деревянный, стоящий в стороне от деревни, рядом лес и небольшая река. В описании хозяин отдельно предупреждал, что мобильная связь там нестабильная, а интер-

нета нет.

Вот это было интересно.

Ехать далеко, но за день доберусь. Дом выглядел крепким и простым, вокруг почти никого. Я дошёл до кнопки бронирования — и вспомнил о Ларисе.

Надо позвонить.

Я взял телефон, повертел в руке и положил обратно. Разговор уже начался у меня в голове.

«Ты с ума сошёл? Сейчас? На две недели? Один? А работа?»

Я заранее услышал вопросы, ответил на них, с чем-то не согласился и даже успел немного обидеться. Потом поймал себя на том, что Лариса во всём этом разговоре пока не участвовала.

Позвонить всё равно надо было.

Курсор замер над кнопкой бронирования. Я ввёл даты, данные карты и нажал «Оплатить».

На экране появилось: «Бронирование подтверждено».

Несколько секунд я сидел неподвижно. В груди стало легко и тревожно одновременно — как бывает после подписи на документе, когда назад вроде бы ещё можно, но уже не хочется.

И только тогда окончательно понял, что звонить Ларисе поздно. Теперь придётся рассказывать.

Домой я приехал раньше неё. Распечатал подтверждение бронирования, положил рядом с заявлением на отпуск и сна-

чала хотел убрать оба листа со стола. Потом оставил.

Лариса, вернувшись, почти сразу увидела бумаги.

— Что это?

— Отпуск.

Она посмотрела на меня.

— Чей?

— Мой.

— Даже так.

Она взяла заявление, прочитала даты, потом вторую распечатку.

— С понедельника, на две недели... Мордовия. Ты уже всё забронировал?

— Да.

— И оплатил?

— Полностью.

Лариса медленно положила бумаги обратно.

— Ты всё это сделал сегодня и решил сказать мне только сейчас?

— Я хотел позвонить.

— Но не позвонил.

— Не позвонил.

Я приготовился объяснять: про работу, про сон, про людей, которые звонят раньше семи утра, про две недели, которые, может быть, ничего и не решат, но сейчас казались мне единственным выходом.

— Я знал, что ты начнёшь меня отговаривать, — сказал я.

Лариса слегка подняла брови.

— Знал?

Слово и правда было плохое.

— Думал.

— Вот это другое.

Она снова посмотрела на бумаги.

— Мне неприятно не то, что ты едешь. Мне неприятно, что директор узнал об этом раньше меня. И банк, судя по оплате, тоже.

Возразить было нечего.

— Я боялся, что ты будешь против.

— А теперь мне уже поздно быть против.

Вот тут внутри сразу поднялось раздражение.

— Ларис, я просто хочу две недели побыть один. Я не могу больше. На работе полгода нет нормальных выплат, объекты стоят, все звонят мне, потому что каждый ждёт, что я что-нибудь придумаю. Я прихожу домой и продолжаю работать. Мне уже снится машина, которую я не могу остановить.

Последняя фраза вырвалась сама.

Лариса перестала смотреть на бумаги.

— Опять тот самый сон?

— Да.

— Часто?

Я пожал плечами.

— В последнее время — часто.

Она встала и ушла на кухню. Я остался за столом и услы-

шал, как открылась дверца холодильника, звякнула посуда. Разговор, к которому я готовился весь день, вдруг оборвался посередине, и от этого стало ещё тревожнее.

Вскоре Лариса вернулась с ужином.

— Тебе надо ехать, — сказала она.

Я не сразу поверил.

— Серьёзно?

— Серьёзно. Ты вымотан.

— Значит, ты не против?

— Отпуска — нет.

Она кивнула на бумаги.

— Вот это мне не нравится.

— Я понял.

— Хорошо бы. В следующий раз сначала скажи. Даже если уверен, что я отвечу не так, как тебе хочется.

В её голосе не было злости. Она просто устала, и я вдруг заметил это так отчётливо, словно весь вечер смотрел только на собственный страх и наконец поднял глаза.

Я кивнул и показал ей строчку про связь.

— Интернета там нет.

— Ещё лучше.

Я усмехнулся.

— Когда доедешь, позвони. Если связи не будет — позвони, когда появится. Просто чтобы я знала, что ты добрался.

Мы начали ужинать. Я ещё несколько раз переводил взгляд на лежавшие рядом бумаги, будто проверяя, не исчез-

ли ли они. Слова Ларисы о том, что я всё решил и только потом сообщил ей, никуда не делись, но громче них звучало другое:

«Тебе надо ехать».

С понедельника я уезжал.

3. Дорога

В понедельник я проснулся раньше будильника.

На этот раз машина мне не снилась. Я просто открыл глаза, увидел серый московский рассвет за шторами и несколько секунд лежал, вспоминая, какой сегодня день.

Сегодня я уезжал.

Лариса уже была на кухне. Рядом с моей дорожной сумкой стоял бумажный пакет, из которого торчало горлышко бутылки с водой.

— Что там? — спросил я.

— Еда.

— Я по дороге остановлюсь.

— Конечно остановишься, — сказала она. — Часов через восемь, когда поймёшь, что с утра ничего не ел.

Я заглянул в пакет. Бутерброды, два яблока, вода и маленькая пачка орехов.

— Ты обо мне очень плохого мнения.

— Наоборот. Я слишком хорошо знаю, как ты едешь.

Я усмехнулся и поставил пакет рядом с сумкой.

За последние дни я старательно передавал дела. Составлял списки, назначал ответственных, объяснял то, что люди и без меня прекрасно знали, звонил тем, кому уже всё передал, и дважды ловил себя на желании переделать за ними то, что они ещё даже не успели сделать. К воскресенью на сто-

ле лежала аккуратная папка, в телефоне — длинный список контактов, а в голове всё равно оставалось ощущение, что я что-то забыл.

— Позвони, когда доберёшься, — сказала Лариса.

— Позвоню.

— И не через сутки.

— Постараюсь.

Она посмотрела на меня.

— Максим.

— Позвоню, как доберусь.

На этот раз она кивнула.

Мы обнялись. Я взял сумку, пакет с едой и уже у двери услышал:

— И не спеши.

— Я никогда не спешу.

Лариса рассмеялась.

— Конечно.

Во дворе было прохладно. Ночью прошёл дождь, и на крыше машины ещё держались крупные капли. Я убрал сумку в багажник, сел за руль и первым делом посмотрел на приборную панель.

Топлива было примерно две трети бака.

До окраины Москвы хватит с большим запасом, а дальше спокойно заправлюсь на трассе.

Телефон я закрепил на держателе и открыл маршрут. До забронированного дома — больше семисот километров. На-

вигатор обещал немного меньше девяти часов, чему я, разумеется, не поверил.

— Добавим ещё часа два, — сказал я вслух. — И будет похоже на правду.

Машина мягко завелась.

Я выехал со двора, и уже через несколько минут вокруг было всё привычное: светофоры, автобусы, люди, перебегающие дорогу там, где им удобнее, первые заторы и телефон, который успел дважды завибрировать ещё до того, как я добрался до проспекта.

Я не смотрел. Сегодня у меня был отпуск. На третьем звонке всё-таки перевёл взгляд на экран — начальник участка. Сбросил вызов, но через минуту он позвонил снова.

«Ну что там могло случиться за один час моего отпуска?»

Телефон замолчал и почти сразу зазвонил в третий раз.

Я включил громкую связь.

— Да.

— Максим Викторович, вы уже уехали?

— Еду.

— У нас люди не выходят.

Я сильнее сжал руль.

— Почему?

— Деньги в пятницу так и не пришли.

Впереди был съезд. Если ехать прямо, через полчаса я окажусь на МКАД. Если свернуть, до объекта минут двадцать.

Я быстро прикинул: двадцать минут туда, полчаса поговорить, двадцать обратно — максимум час.

Я прекрасно знал цену этому «максимум час», но поворотник всё равно щёлкнул.

— Сейчас подъеду.

Навигатор молча перестроил маршрут.

На объекте меня ждали около двадцати человек. Рабочие сидели возле бытовок, кто-то курил, кто-то пил чай из пластикового стаканчика. Никто не ругался. За те месяцы, пока зарплату выдавали кусками, они уже устали и ругаться тоже.

Начальник участка встретил меня возле ворот.

— Я им всё объяснил.

— Что именно?

Он замялся.

— Что деньги будут.

— Когда?

— Ну... скоро.

Я молча подождал.

— То есть ты объяснил им то же самое, что мы объясняем последние полгода.

Он отвёл глаза.

Я подошёл к рабочим.

Высокий монтажник в синей куртке поднялся первым. Я его помнил. Несколько недель назад он уже спрашивал меня, как жить, если зарплата приходит тогда, когда ей самой захочется.

— Доброе утро, — сказал я.

— Доброе, Максим Викторович.

— Я знаю про деньги.

— Хорошо, что знаете.

— Сейчас позвоню руководству и выясню, что произошло.

Он улыбнулся без всякого веселья.

— А мы примерно знаем, что произошло. Денег опять нет.

— Я выясню дату.

— Вы уже выясняли.

Я промолчал.

Он был прав.

Отошёл к машине и набрал директора.

— Деньги рабочим не перечислили.

— Я знаю.

— Они остановили объект.

— И это знаю.

— Тогда почему я узнаю об этом от начальника участка?

— Максим, ты вообще-то в отпуске.

Я прикрыл глаза.

— Именно поэтому и спрашиваю.

— Заказчик не оплатил этап. Сегодня-завтра решим.

— Что решим?

— Найдём деньги.

— Откуда?

В трубке стало тихо.

— Ты сейчас хочешь провести финансовый аудит или отдохнуть?

— Я хочу понимать, что говорить людям.

— Скажи, что завтра будет информация.

— Они полгода слушают информацию.

— Тогда придумай что-нибудь. Ты умеешь.

Вот она, знакомая фраза. Даже не «реши». Придумай что-нибудь.

У бытовок по-прежнему ждали меня. Не компанию, не директора — меня.

— Хорошо, — сказал я и отключился.

К рабочим возвращался медленно.

Хотелось сказать правду: денег сегодня не будет, про завтра я ничего не знаю, а человек, который уже должен был ехать в отпуск, почему-то снова стоит перед вами.

Но двадцать пар глаз смотрели на меня, и привычные слова нашлись сами.

— Сегодня денег не будет. Завтра руководство обещало дать точный ответ. Давайте один день отработаем, а завтра уже будем решать по факту.

— Завтра деньги будут? — спросил монтажник.

— Завтра будет точный ответ.

— Это не одно и то же.

— Не одно.

Он помолчал.

— А вы завтра будете?

Я замялся всего на секунду.

— Нет. Я уезжаю.

Несколько человек переглянулись.

— В отпуск? — спросил кто-то.

— В отпуск.

— Вовремя, Максим Викторович.

Кто-то тихо засмеялся.

Высокий монтажник покачал головой.

— Ладно. Один день отработаем. Но если завтра опять начнут рассказывать про «скоро» — всё.

— Договорились.

Через полчаса люди начали расходиться по объекту. Начальник участка заметно оживился.

— Спасибо, Максим Викторович.

— Завтра сам с ними разговаривать будешь.

Он сразу перестал улыбаться.

— А если денег не будет?

— Вот это и скажешь.

Я сел в машину и закрыл дверь.

Телефон показывал несколько пропущенных звонков и десятки сообщений. Я положил его обратно на держатель, но экран ещё долго светился перед глазами.

Отпуск начался замечательно.

К горлу методично подкатил знакомый ком.

До тошноты устал.

Я выехал с объекта и почти сразу встал в пробку.

Москва отпускала медленно, с привычным сопротивлением. Дождь давно закончился, асфальт подсох, солнце поднялось выше, и машины вокруг начали нагреваться. Окна были закрыты, кондиционер работал, а раздражение всё равно росло вместе с температурой за стеклом.

Справа раздалось гулкое:

— Бум! Бумц! Бум-бумц!

Рядом ползла древняя «пятёрка», местами рыжая от ржавчины. Музыка в ней играла так громко, что бас отдавался у меня в дверях. За рулём сидел худой парень в кепке. Он отбивал ритм ладонью по рулю, пел и выглядел совершенно довольным жизнью.

Сначала парень меня раздражал, но, посмотрев ещё раз, я поймал себя уже не на раздражении, а на зависти. Он заметил мой взгляд, широко улыбнулся и показал большой палец. Я невольно рассмеялся и ответил тем же. Через несколько метров его ряд пошёл быстрее, и «пятёрка» исчезла впереди, продолжая греметь музыкой.

— Везёт же людям, — сказал я, хотя и сам не совсем понимал, чему именно завидую: машине, музыке или способности радоваться, сидя в той же пробке, в которой я уже начинал ненавидеть всё вокруг.

Когда почти через два часа показался МКАД, я с облегчением выдохнул: «Ну наконец-то». Обрадовался рано — МКАД стоял.

Он стоял настолько хорошо, что я успел доесть одно Ла-

рисино яблоко, дважды перестроить маршрут и совершенно ничего от этого не выиграть.

Только спустя почти четыре часа после выхода из дома я наконец выбрался на шоссе.

Москва осталась сзади. Машина пошла свободно, без постоянных торможений и коротких рывков. За стеклом потянулись редкие дома, поля, полосы леса. Я немного опустил окно, и в салон вошёл тёплый воздух с запахом мокрой травы.

Я выдохнул.

На ближайшей заправке была очередь.

Не просто несколько машин у колонок — очередь начиналась ещё на въезде. Пока я полз вдоль неё, стрелка топлива стояла ниже половины. Заправиться стоило. После утреннего крюка и московских пробок я израсходовал больше, чем рассчитывал.

Но вставать ещё в одну очередь не хотелось совершенно.

Я припарковался возле кафе.

Внутри пахло кофе, горячим тестом и разогретыми сосисками. Хот-дог оказался слишком горячим, кофе — слишком большим, а после первых двух глотков я понял, что изжога сегодня решила ехать в отпуск вместе со мной.

Поел я всё равно быстро.

У выхода стоял банкомат. Вспомнил предупреждение хозяина дома о нестабильной связи и снял наличные. Если в деревне терминал не работает, искать банкомат по окрестно-

стям будет поздно.

Когда вернулся к машине, очередь к колонкам почти не сдвинулась.

До следующей заправки, судя по стрелке, точно хватит.

— Заправлюсь дальше.

Сел в машину и вырулил обратно на шоссе.

Дорога постепенно становилась свободнее. Можно было ехать спокойно, не считать каждую минуту и не искать, кто именно мешает двигаться быстрее. Я включил музыку потише, открыл немного окно и впервые за день почувствовал, что действительно уехал.

Телефон звонил всё реже; связь то появлялась, то пропадала. От Ларисы пришло короткое: «Как дорога?» Я ответил: «Вырвался. Еду». Она прислала смеющийся смайлик и тут же добавила: «Не гони».

Я убрал телефон и некоторое время просто смотрел на дорогу. «Зачем я вообще туда еду?» Две недели в лесу — допустим, выплюсь, отдохну, перестану вздрагивать от каждого звонка. А дальше? Вернусь, открою почту, и снова начнутся объекты, деньги, люди, которые ждут, что я что-нибудь придумаю.

Я хотел было объяснить себе, что еду «разобраться в себе», но фраза прозвучала так, будто её напечатали на обложке плохой книги.

— Ничего я не знаю, — сказал я и неожиданно понял, что этот ответ меня вполне устраивает.

К вечеру дорога сузилась, большие заправки стали попадаться всё реже, а населённые пункты появлялись внезапно: несколько домов, магазин, остановка — и снова лес с полями. Телефон показывал меньше трети заряда, но до дома оставалось чуть больше ста километров, провод, как мне казалось, лежал в сумке, а навигатор как раз предложил маршрут почти на полчаса короче. После четырёх часов московской пробки терять ещё полчаса совершенно не хотелось, и я свернул.

Сначала ничего подозрительного не происходило: асфальт был обычным, потом стал хуже, появились заплатки и ямы, через несколько километров пропала разметка, а лес всё ближе подступал к дороге. Солнце уже опустилось к верхушкам деревьев. На телефоне оставалось пятнадцать процентов заряда, потом десять. Я убавил яркость экрана; когда осталось пять, впервые пожалел, что так и не проверил сумку.

— Дотяни только до дома, — пробормотал я.

Навигатор успел сказать: «Через восемьсот метров поверните...» — и экран погас. Я машинально спросил: «Куда?», нажал кнопку, но на мгновение появился только значок разряженной батареи.

Остановившись у обочины, я перебрал содержимое бардачка: страховку, влажные салфетки, перчатки, чеки, очки, старую ручку. Кабеля не было. В подлокотнике нашёлся провод от прежнего телефона, но его разъём к нынешнему не

подходил. Я полез в багажник, проверил сумку и обнаружил всё, что угодно: носки, зарядку от ноутбука, лекарства, ещё одно яблоко — только не нужный кабель. Лариса, если бы собирала меня сама, положила бы его первой. Но сумку собирал я.

Захлопнув багажник, я наконец огляделся по сторонам. Вокруг стоял лес, дорога была пустой, ни машин, ни людей. Последнюю команду навигатора я помнил хорошо: через восемьсот метров повернуть. В какую сторону, он сказать не успел. Я сел за руль и медленно поехал дальше.

Примерно через километр дорога действительно раздваивалась. Левая уходила между деревьями, правая выглядела шире и ровнее, поэтому я выбрал правую. Через несколько минут она стала уже, а затем на панели загорелась лампочка топлива. Стрелка была почти на нуле, и только теперь заправка, которую я проехал после обеда, вспомнилась во всех подробностях.

Расчёт запаса хода показывал сорок восемь километров.

— Хватит, — уверенно сказал я, словно машина нуждалась именно в моём мнении.

Через какое-то время закончился и асфальт. Грунтовка была разбита колеями после дождей, и я остановился, всматриваясь в темнеющую дорогу. Вернуться к развилке можно было, но это означало несколько километров назад. А вдруг до деревни впереди осталось совсем немного? Я посидел ещё немного и поехал дальше.

Запас хода уменьшался: тридцать километров, двадцать два, пятнадцать. Ни об отпуске, ни о работе я уже не думал — смотрел только на цифры и дорогу впереди. Когда вместо расчётного остатка появились прочерки, стало совсем не смешно. По опыту я знал, что машина и после этого ещё проедет, но сколько именно — зависело от дороги, скорости и множества вещей, которые совершенно не хотелось проверять на практике.

Я вспомнил очередь на заправке. Надо было просто встать за последней машиной и дождаться своей колонки.

Вместо этого я начал злиться.

Сначала на навигатор, который выключился ровно перед поворотом. Потом на производителя телефона, придумавшего новый разъём. Потом на дорожников, которые считают грунтовую колею дорогой. Потом на хозяина дома, выбравшего место, где даже связь нормально не работает.

До руководства и рабочих я тоже быстро добрался.

Они-то тут вообще были ни при чём, но это никогда особенно не мешало.

Я ругался вслух, объезжал ямы и всё время всматривался между деревьями, надеясь увидеть хоть какой-нибудь свет. Темнело быстро, и мысль о ночёвке в машине нравилась всё меньше; ещё хуже было представить, что утром окажется — до ближайшего жилья несколько десятков километров.

Через пару поворотов дорога спустилась вниз, затем пошла на подъём, и тут машина впервые дёрнулась. Я невольно

выпрямился.

— Только не сейчас.

Несколько метров она снова ехала ровно, потом последовал ещё один короткий рывок. Я прибавил газ, двигатель отозвался с задержкой, и в этот момент впереди, между деревьями, мелькнул тёплый жёлтый свет — не фары и не отражатель, а неподвижное пятно, похожее на окно.

— Есть, — выдохнул я и поехал к нему.

Дорога вывела на большую поляну. Посреди неё стоял бревенчатый дом с высоким крыльцом и резными наличниками, а из одного окна падал тот самый жёлтый свет. Я невольно сбросил скорость: дерево, высокое крыльцо, лес вокруг — что-то действительно напоминало фотографию брони. После целого дня за рулём и в наступившей темноте этого оказалось достаточно, чтобы почти поверить, что я наконец доехал.

Машина докатилась почти до крыльца. Двигатель кашлянул, обороты упали. Я нажал на газ, и в этот момент мотор заглох.

Несколько секунд я сидел в полной тишине, потом повернул ключ. Стартер закрутился, но двигатель не схватил. Я попробовал ещё раз — то же самое.

После второй попытки я откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Телефон разряжен, бак пуст, до бронированного дома я, скорее всего, не доехал, а где нахожусь — понятия не имею.

Я открыл дверь и вышел. После многих часов за рулём ноги распрямились не сразу; пришлось пройтись, потянуться, размять поясницу. Вокруг стояла такая тишина, что слышно было, как в траве стрекочет кузнечик и потрескивает остывающий металл машины.

Из кармана двери я достал распечатку бронирования. На снимке был деревянный дом с лесом вокруг и высоким крыльцом — действительно похожий на тот, что стоял передо мной. Фотография была сделана днём, а сейчас — ночь. В слабом свете из окна различия почти терялись.

Я перевёл взгляд с листа на дом и усмехнулся.

— Ну конечно.

Выбора всё равно не было. Из окна шёл свет, значит, кто-то дома. Я поднялся по ступеням, и доски под ногами скрипнули.

Перед дверью остановился, зачем-то поправил куртку и постучал.

Никто не ответил.

Я постучал ещё раз, уже громче.

За дверью слышались шаги.

4. Зачем я здесь?

Дверь открылась легко, почти беззвучно. На пороге стоял невысокий старик с длинными седыми волосами и такой же седой бородой. В слабом свете, шедшем из глубины дома, я сначала различил только лицо, потом просторную светлую рубаху, перехваченную на поясе простым ремешком, и босые ноги.

— Проходи, — сказал он.

В его голосе не было ни удивления, ни лишнего любопытства, будто появление среди ночи незнакомого человека с пустым баком было делом вполне житейским.

— Я, кажется, заблудился, — начал объяснять я. — Телефон разрядился, навигатор вместе с ним, бензин закончился. У меня здесь дом забронирован. Возможно, это он.

Я достал распечатку и протянул старику. Он взял лист, поднёс ближе к свету, посмотрел сначала на фотографию, потом на меня и вернул бумагу.

— Не этот.

— Точно?

— Точно.

Я снова посмотрел на фотографию, потом через плечо на машину, за которой чернел лес.

— А где тот?

— Утром покажу.

— Почему утром?

Старик тоже посмотрел в сторону поляны.

— Темно.

— Я хотя бы адрес хотел уточнить.

— Ночью адрес не согреет.

Он немного отступил, освобождая проход. Я ещё секунду постоял на крыльце. Снаружи были лес, пустая машина и неизвестная дорога. Внутри — тепло.

Я вошёл.

Старик закрыл за мной дверь, и дом сразу отрезал ночной лес. Внутри пахло сухими дровами, дымом и травами. Где-то потрескивал огонь. Я снял обувь и только тогда почувствовал, насколько замёрзли ноги: пальцы отогревались медленно и неприятно покалывали.

В соседней комнате горел камин. Его свет ходил по брёвнам стен и старым ковровым дорожкам, добирался до двух широких кроватей и снова возвращался к огню. В углу, на небольшой полочке, теплилась лампадка перед иконой. Я задержал на ней взгляд. У бабушки в деревне по вечерам горел такой же маленький огонёк — почти незаметный на фоне большой комнаты, но именно с ним дом в детстве становился окончательно домашним.

Старик не стал ничего объяснять и прошёл дальше. Я отправился следом.

Кухней оказалась просторная комната с большой русской печью. Увидев её, я остановился. Перед глазами сразу возник

бабушкин дом: зима, горячая кирпичная стенка, на которой мы лежали детьми, чугунок с кашей, пироги и запах, добравшийся до самых дальних комнат. Позже можно было повторять бабушкин рецепт до грамма, но в городской духовке получалось всё равно не то.

Вдоль стены стояли полки с глиняными горшками, деревянными мисками и связками сушёных трав. Старик показал на лавку возле большого стола.

— Садись.

Он открыл печь, достал ухватом небольшой чугунок и наложил кашу в деревянную миску. Потом взял глиняную крынку, налил молока в кружку, отрезал толстый ломоть хлеба и поставил всё передо мной.

— Кушай.

— Спасибо. Но я сначала хотел бы понять, где нахожусь и как утром...

— Каша остывает быстрее, чем человек понимает свою жизнь.

Я замолчал, ожидая продолжения.

Старик взял со стола тряпицу, вытер каплю молока возле кружки и спокойно повесил её обратно.

Продолжения не последовало.

— Кушай, — повторил он.

Я невольно усмехнулся и взял ложку. Она тоже была деревянная — гладкая, тёплая от руки, с тонкой резьбой на ручке. По краю миски шёл узор из переплетающихся ветвей.

На кружке я заметил старую трещину, аккуратно стянутую маленькой металлической скобкой.

Каша была самой обычной — крупа, молоко, немного масла и соли. После хот-дога, кофе, московских пробок и целого дня за рулём я съел первую ложку и понял, что именно этой простой горячей еды мне не хватало больше всего. Ел быстро, почти не поднимая головы. С каждой ложкой тепло расходилось от живота к груди, потом к плечам и рукам; пальцы, весь день державшие руль, наконец расслабились.

Старик сидел напротив и не задавал вопросов. Иногда его губы едва заметно двигались, будто он что-то тихо проговаривал. Я прислушался, но слов не разобрал.

«Старик и есть старик», — решил я и принялся за хлеб.

Когда миска опустела, я заметил его руки: большие, сухие, с коротко подстриженными ногтями и старыми мозолями на ладонях.

— Спасибо, — сказал я. — Очень вкусно.

— На здоровье.

— А заправка далеко?

— Километра три.

Я поднял глаза.

— Три километра?

— Примерно.

— И я столько времени кружил по лесу?

— Похоже.

— Бензин у вас есть?

— Нет.

— Канистра?

— Есть.

Я выдохнул. Уже что-то.

— А телефон зарядить можно?

Старик отрицательно покачал головой.

— Электричества нет?

— Нет.

За окном была ночь. Я представил три километра незнакомой лесной дороги, развилку, на которой сам выбрал направление, и Ларису, которая ждёт моего звонка.

— На заправке ночью кто-нибудь есть?

— Есть.

— Тогда я, наверное, схожу сейчас.

Старик посмотрел в окно. Я тоже посмотрел. За стеклом стояла такая темнота, будто лес придвинулся к самому дому.

— Или утром, — добавил я.

— Утром разумнее.

В комнате с камином было значительно теплее. Старик подбросил полено, и огонь осветил его лицо. Теперь я смог рассмотреть его лучше. Он был действительно очень стар: глубокие морщины, седая борода, кожа, потемневшая от солнца и времени. Но глаза никак не совпадали с возрастом. Не молодые и не детские — просто ясные и внимательные. В них не было привычного быстрого осмотра, которым люди за несколько секунд определяют, кто перед ними, чего от

него ждать и насколько он им полезен.

Возле камина стояли два больших кресла. Рядом с письменным столом — деревянная табуретка. Почему-то я выбрал её.

Спина немедленно напомнила о многочасовой дороге.

Старик посмотрел на меня, потом на свободное кресло.

— Кресло мягче.

— Мне и здесь нормально.

Его взгляд опустился на мои колени, почти упиравшиеся в край стола, и снова поднялся ко мне.

— Вижу.

Я не понял, шутит он или говорит серьёзно, но всё-таки рассмеялся, поднялся и пересел к огню.

— Так лучше, — признал я.

— Вот и хорошо.

Некоторое время мы молчали. От кресла по спине медленно растекалось тепло, огонь потрескивал, и стоило мне наконец устроиться удобно, как усталость, которую весь день заглушали кофе, раздражение и необходимость куда-то ехать, навалилась сразу всем весом.

— Как вас зовут? — спросил я.

Старик перевёл взгляд с огня на меня.

— Прохор.

— А я...

— Чай пей, Максимушка. Остынет.

Чашка замерла возле губ.

— Откуда вы знаете моё имя?

Прохор кивнул на сложенную распечатку, торчавшую из кармана моей куртки.

— На бумаге написано.

Я вспомнил, как сам протянул ему лист.

— А «Максимушка» тоже на бумаге?

— Нет.

— Тогда почему Максимушка?

Прохор пожал плечами.

— Так сказал.

— Вы всегда пускаете в дом людей, которые ночью ломаются в дверь?

— Не всегда.

— А меня почему пустили?

— Замёрз.

— Я мог оказаться кем угодно.

— Мог.

— И вас это не беспокоит?

Прохор посмотрел на меня внимательнее.

— Сейчас беспокоишься ты.

Я уже открыл рот, чтобы возразить, но остановился. В чужом доме меня накормили, усадили у огня, а я теперь требовал от хозяина объяснить, почему тот меня впустил.

— Ладно, — сказал я. — Допустим.

Прохор ничего не ответил.

— У вас можно переночевать?

— Для того кровать и стоит.

— Я заплачу.

— За что?

— За ужин. Ночлег. За то, что свалился вам на голову посреди ночи.

— Утром дров принесёшь.

Я машинально потянулся за кошельком.

— Деньгами проще.

— Тебе проще.

Рука остановилась. С деньгами всё было понятно: запла-
тил — рассчитался, обязательство закрыто. Дрова означали
утром не уехать сразу, сначала потратить время на чужое де-
ло.

— Сколько дров?

— Утром увидишь.

— Очень точный ответ.

В уголках глаз Прохора появились весёлые морщинки.

— Утром будет виднее.

Я покачал головой.

— Хорошо. Дрова так дрова.

Вопрос оказался закрыт.

Прохор принёс чистое полотенце и показал небольшую
комнату за кухней, где стояли умывальник, таз и ведро воды.

— Вода холодная.

— Нормально.

Он посмотрел на меня.

Я вспомнил табуретку.

— То есть потерплю.

Прохор улыбнулся и вышел.

Холодная вода обожгла лицо. Я умылся, провёл мокрыми ладонями по шее и понял, что сейчас уже ничего не исправлю: машина не заведётся, телефон сам по себе не оживёт, до заправки ночью я не пойду, а Ларисе смогу позвонить только утром. Впервые за весь день пришлось просто оставить всё как есть.

Вернувшись в комнату, я лёг на свободную кровать. Матрас тихо прогнулся, серое шерстяное одеяло оказалось тяжёлым и тёплым. Прохор поправил полено в камине.

— Отдыхай. Утром разберёмся с дорогой.

— И с бензином.

— И с бензином.

— И с телефоном.

— И с телефоном.

Он приглушил лампу. В комнате остался огонь, и свет от него медленно ходил по брёвнам стены, то поднимаясь к потолку, то снова собираясь возле камина. Я закрыл глаза, но сон не приходил. Передо мной всплывали рабочие возле бытовок, лицо директора, очередь на заправке, погасший экран телефона, Лариса на кухне и поворот, на котором я почему-то решил ехать направо.

Потом я вспомнил собственный вопрос на дороге.

Зачем я вообще туда еду?

Ответа по-прежнему не было.

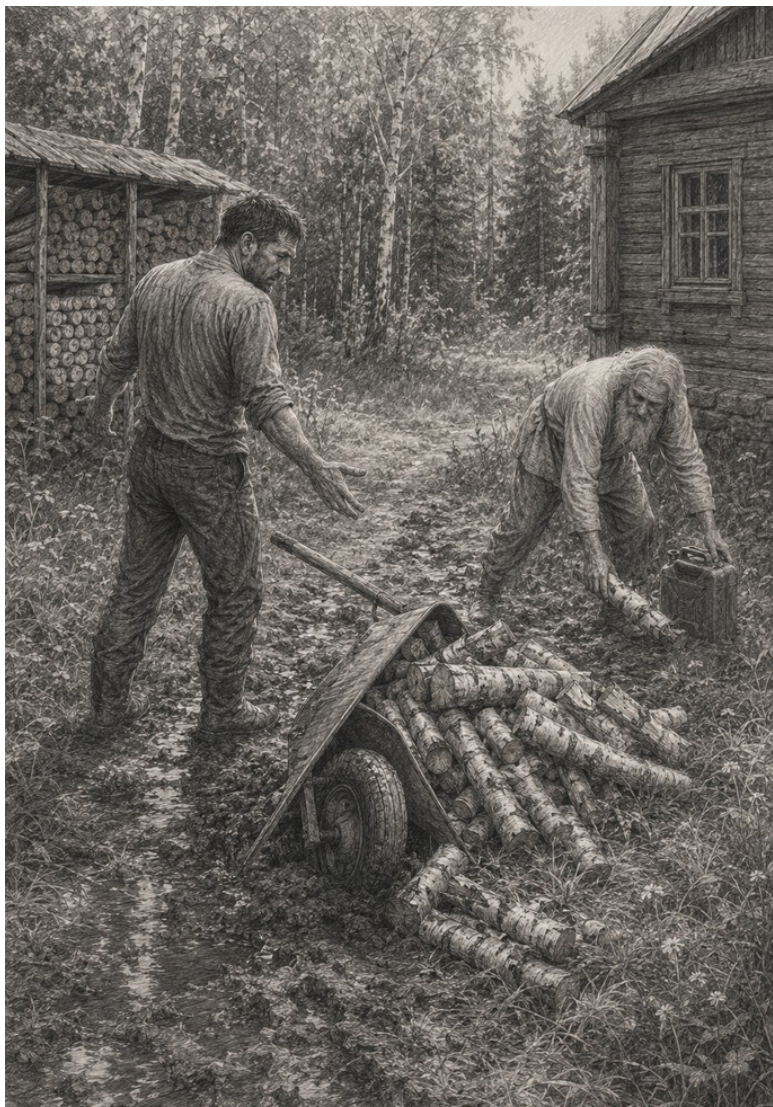
Я повернулся на бок. В углу тихо горела лампадка. За стеной что-то едва слышно скрипнуло, в камине осело полено, и по комнате прошёл короткий шелест огня.

«И всё-таки зачем я здесь?» — подумал я.

Из соседней комнаты донёсся голос Прохора:

— Спи, Максимушка. Утро мудренее.

Я открыл глаза и несколько секунд прислушивался, собираясь спросить, не спит ли он, потом передумал. Усталость наконец оказалась сильнее любопытства. Я натянул одеяло выше и закрыл глаза.

5. Привычка спорить

Проснулся я от ровного глухого стука, который сначала вплёлся в сон, а потом всё настойчивее вытаскивал меня наружу. Несколько секунд я смотрел в деревянный потолок и не понимал, почему над головой не белая московская штукатурка. Потом вернулись лесная дорога, погасший телефон, пустой бак, дом на поляне, каша, огонь и старик, которого звали Прохор.

Солнце уже поднялось достаточно высоко и полосами пробивалось между ставнями. Я потянулся и с удивлением почувствовал, что спина после вчерашней дороги почти не болит. Голова тоже была непривычно ясной. Видимо, организм решил воспользоваться отпуском раньше, чем я успел придумать ему новый график.

Телефон лежал на столике возле кровати. Я нажал кнопку. На мгновение появилась пустая батарея и снова исчезла.

Лариса.

Вчера я обещал позвонить, как только доберусь.

Я быстро оделся, умылся холодной водой и вышел во двор. После ночной темноты поляна выглядела совсем иначе. Дом оказался не таким огромным, лес — не таким злоеющим, а дорога, на которой я вчера умудрился потерять всякое представление о направлении, спокойно уходила между соснами. Воздух пах влажной травой, древесной корой и ды-

мом.

Стук доносился из-за дома. Прохор стоял возле навеса и раскалывал небольшие чурбаки на растопку. Топор входил в дерево коротко и точно, без лишнего замаха. Рядом уже лежала аккуратная кучка щепы.

— Доброе утро, — сказал я.

— Доброе, Максимушка.

— Я долго спал?

Прохор поставил на пень очередной чурбак.

— Раз проснулся — значит, достаточно.

Я посмотрел на него, пытаюсь понять, шутит он или опять отвечает так, как всегда.

— Мне нужно срочно найти заправку и купить кабель. Лариса ждёт звонка со вчерашнего вечера.

— Найдёшь.

— Где она?

— Позавтракаешь — покажу.

— Я не голоден.

Живот тут же предательски отозвался длинным урчанием. Прохор поднял глаза.

— Это не я, — сказал я.

— Значит, в тебе кто-то ещё голодный живёт.

Он воткнул топор в пень и пошёл к дому. Я постоял ещё секунду и отправился следом.

За столом спорить с собственным желудком оказалось бессмысленно. Я съел хлеб, выпил молока и только после

этого снова вернулся к заправке.

— Так куда идти?

Прохор собрал со стола посуду.

— Сначала дрова.

Я уже открыл рот, но вспомнил вчерашний разговор.

— Три охапки?

— Три охапки сухих берёзовых поленьев. Сарай за домом.

— А потом заправка?

— Потом заправка.

Сарай нашёлся сразу. Внутри вдоль стен ровными рядами лежали дрова: свежие отдельно, сухие отдельно, берёзовые легко узнавались по светлой коре. Всё было устроено настолько понятно, что даже спрашивать ничего не требовалось.

Рядом с сараем стояла старая металлическая тачка с одним узким колесом и деревянными ручками.

Я остановился.

Три охапки — это три раза пройти от сарая до дома и обратно. На тачке — один.

«Ну хоть здесь не надо изобретать велосипед».

Я уложил в тачку примерно три охапки. Места осталось почти половина. Везти воздух показалось глупостью, поэтому добавил ещё несколько поленьев. Потом ещё. Сверху положил два длинных чурбака поперёк, чтобы остальное не высыпалось.

Получилось основательно.

Поднять тачку с первого раза не удалось. Я переставил ноги, взялся удобнее и всё-таки оторвал ручки от земли. Колесо жалобно скрипнуло, но покатилося.

До дома было метров тридцать. Первые несколько метров всё шло прекрасно, и я уже успел мысленно поздравить себя с правильным решением. Потом колесо попало в размокший после дождя участок дорожки и мгновенно увязло. Тачка остановилась так резко, что я по инерции сделал два шага вперёд, выпустил ручки и едва не оказался носом в траве.

За спиной с грохотом посыпались дрова.

Я выпрямился и медленно обернулся. Тачка завалилась на бок. Поленья разлетелись по дорожке, а колесо почти наполовину сидело в мягкой земле.

— Прекрасно.

Прохор появился возле угла дома с небольшой пустой металлической канистрой в руке. Посмотрел сначала на меня, потом на тачку.

— Здесь грунт мягкий, — сказал я. — Для такого колеса нужна твёрдая дорожка. И центр тяжести получился высокий. Тачка вообще не рассчитана на такой вес.

— Похоже.

— И ручки у неё разной длины.

— Есть немного.

— Надо было предупредить.

Прохор поставил канистру возле крыльца.

— Я сказал три охапки.

— Я три охапки и загрузил. Просто потом добавил ещё немного, чтобы второй раз не ходить.

Он посмотрел на разбросанные по дорожке поленья.

— Вижу.

— Если бы дорожка была нормальная, всё бы доехало.

Прохор поднял одно полено, положил его на край дорожки и направился к дому.

— Тачка не спорила.

— Я тоже не спорю!

Он даже не обернулся.

— Конечно.

Я остался посреди дорожки с таким количеством аргументов, что хватило бы ещё минут на десять разговора. Жаль, собеседник ушёл.

Пришлось ставить тачку на колесо и собирать дрова. В первую охапку я взял столько, сколько спокойно помещалось в руках. Донёс до стены дома, сложил. Вернулся за второй. На третий раз кора уже царапала ладони, рубаха прилипла к спине, зато сами поленья почему-то начали пахнуть сильнее — сухой берёзой, лесом и чуть-чуть дымом от тех, что лежали возле печи.

Работа была до смешного простой: взять, донести, сложить. Никого не надо было уговаривать, ни с кем согласовывать сроки, ничего объяснять. Когда последний ряд лёг на место, я машинально поправил два криво торчавших полена и отступил на шаг.

Ровно.

Вот теперь нормально.

Прохор вышел из дома и протянул мне ту самую канистру. Она была небольшая, литров на пять.

— До заправки хватит.

— А где она?

Он показал в сторону дороги.

— Выйдешь с поляны, повернёшь направо. На развилке держись левой дороги. Через три километра увидишь трассу. За ней заправка.

— Три километра пешком?

Прохор посмотрел на машину.

— Она поедет?

— Я понимаю, что не поедет. Просто... три километра туда, потом обратно с бензином. Можно было бы как-то...

Я осёкся.

— Ладно. Где развилка?

— Две берёзы увидишь. Там налево.

— А если опять сверну не туда?

— Тогда вернёшься не скоро.

Он протянул мне канистру.

— По левой дороге, Максимушка.

— Я запомнил.

Прохор едва заметно улыбнулся.

— Вчера тоже запоминал.

Первые несколько минут я шёл и мысленно продолжал

разговор. Нормальный хозяин, конечно, предложил бы помощь. Или хотя бы объяснил дорогу подробнее. Человек заблудился, телефон разряжен, жена волнуется, а его после переноски дров отправляют пешком за бензином. С другой стороны, этот самый хозяин вчера накормил меня, оставил ночевать и ничего не попросил, кроме трёх охапок. С третьей стороны, можно было взять деньги и вообще не связываться с дровами.

На четвёртой стороне я сам себя остановил.

«С кем ты сейчас споришь?»

Вокруг не было никого. Только дорога, лес и пустая канистра в руке.

Я хмыкнул и пошёл дальше.

При дневном свете маршрут оказался простым. На развилке действительно стояли две берёзы, заметные издалека. Я повернул налево и вскоре услышал шум машин. Ещё через несколько минут лес разошёлся, показалась небольшая трасса, а за ней — обычная современная заправка с яркой вывеской и стеклянными дверями.

После дома Прохора она выглядела почти вызывающе цивилизованно.

У кассы я поставил пустую канистру возле ноги.

— Пять литров девяносто пятого.

— Третья колонка.

— И кабель для телефона нужен. Такой разъём есть?

Девушка достала из стойки несколько упаковок. Выбрав

подходящий, я заодно взял автомобильный адаптер. Расплатившись, я попросил ненадолго подключить телефон к розетке за кассой.

— Давайте. Только не забудьте.

— Такое я сегодня постараюсь не забывать.

Пока в канистру текли пять литров бензина, телефон лежал за кассой и не подавал признаков жизни. Я вернулся в магазин, купил воду и только успел сделать несколько глотков, когда на экране появился логотип. Следом один за другим посыпались пропущенные сообщения. Я попросил девушку отключить телефон и забрал его вместе с кабелем. Заряда было немного, но на первый звонок хватало.

Лариса звонила несколько раз. Рабочие чаты были забиты сообщениями. Начальник участка, директор, почта.

Палец уже потянулся открыть рабочую переписку, но я набрал Ларису.

Она ответила почти сразу.

— Ты жив?

— Жив.

— Максим, я просила тебя об одной вещи.

В её голосе не было истерики. От этого стало ещё неприятнее.

— Знаю. Прости. Я вчера свернул не туда, потом сел телефон, закончился бензин...

— Подожди. Ты сейчас где?

— На заправке. В Мордовии. Рядом с каким-то посёлком,

название сейчас посмотрю.

— А дом, который ты бронировал?

— Я до него не доехал. Ночевал в другом доме, в лесу.

В трубке стало тихо.

— Конечно, — наконец сказала Лариса. — Ты же просто поехал спокойно отдохнуть на две недели.

Я невольно усмехнулся.

— Пока получается не очень спокойно.

— Я уже заметила.

— Правда, прости. Нужно было позвонить.

— Нужно было. Когда телефон зарядится, пришли геолокацию. И вечером позвони сам, Максим. Не заставляй меня гадать, где ты и что с тобой.

— Позвоню.

— Хорошо. Я рада, что ты жив.

Последние слова она сказала уже значительно тише.

— Я тоже.

После разговора я несколько секунд держал телефон в руке, потом всё-таки открыл рабочие сообщения.

И сразу вернулся туда, откуда вчера так старательно уезжал.

Рабочие снова спрашивали про деньги. Начальник участка не знал, что говорить. Директор требовал перезвонить. Я набрал сначала одного, потом второго. Через несколько минут уже объяснял, кому нужно позвонить, что проверить и почему я ещё в пятницу предупреждал, что обещать людям

деньги без подтверждённого финансирования нельзя.

— Максим, — перебил директор, — ты сейчас в отпуске или опять работаешь?

— Я как раз пытаюсь понять, почему всё то, о чём я говорил до отпуска, никто не сделал.

— Вот именно. Ты в отпуске. Пусть разбираются те, кому ты передал дела.

Я хотел возразить, но директор уже отключился.

Только тогда я посмотрел на время. Разговоры с работой незаметно съели почти полчаса. На экране осталось несколько процентов заряда. На этот раз это уже не пугало: кабель и автомобильный адаптер лежали в кармане.

Я убрал телефон, взял канистру и вышел.

Обратная дорога действительно оказалась длиннее. Пять литров — вроде немного, но металлическая ручка быстро начала давить на пальцы, и через какое-то время пришлось переложить канистру в другую руку. Бензин плескался внутри в такт шагам, от трассы всё тише доносился шум машин, а лес постепенно снова забирал дорогу себе.

Когда вышел на поляну, Прохор сидел у крыльца и строгал ножом новую рукоять для старых граблей.

— Дорогу нашёл? — спросил он.

— Нашёл.

— Ларисе позвонил?

Я остановился.

— Позвонил.

Прохор кивнул и продолжил работать.

Я поставил канистру возле машины.

— Сейчас залью бензин, доеду до заправки, заправлю полный бак и верну канистру.

— Возвращай.

— Я и так собирался.

Прохор ничего не сказал.

Я взялся за крышку канистры и зачем-то добавил:

— Я не спорю.

— Конечно.

Залив бензин, я выехал на дорогу и без приключений добрался до той же станции. Там заправил полный бак, подключил телефон через новый автомобильный адаптер и снова открыл навигатор. Маршрут до забронированного дома занял экран и показал, что я нахожусь совсем не там, куда собирался приехать вчера.

Зато теперь всё снова было под контролем: полный бак, работающий телефон, маршрут на экране, наличные и банковская карта. Мир вернулся в понятное состояние.

Можно было ехать.

Я уже вырулил с заправки на трассу, когда увидел на пассажирском коврике пустую канистру.

«Вернуть».

Через несколько сотен метров я нашёл съезд, развернулся и поехал обратно.

На поляне ничего не изменилось. Прохор по-прежнему

сидел у крыльца, только рукоять уже была почти готова. Я остановил машину, вынес канистру и поставил рядом с ним.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

— Дрова принёс, канистру вернул. Теперь, кажется, никому ничего не должен.

— Похоже на то.

Я постоял рядом, ожидая чего-то ещё. Прохор продолжал снимать ножом тонкую стружку.

— Дом, который ты снимал, в другой стороне, — сказал он. — На трассе навигатор покажет.

— Уже показал.

— Ну и хорошо.

Вот и всё.

Машина была заправлена. Телефон работал. Дорогу я знал. Никто меня не удерживал, ничего больше не требовал и даже не предлагал остаться.

Я мог сесть и уехать.

Вместо этого посмотрел на крыльцо, потом на Прохора.

— Чай у вас остался?

Он поднял глаза.

— Найдётся.

Через несколько минут мы снова сидели возле камина. Телефон я положил на стол экраном вниз. Прохор налил чай и будто вообще забыл, что ещё недавно я собирался уезжать.

Мне же покоя не давала тачка.

— Вы ведь видели, что она увязнет?

— Не видел.

— Но вы знали, какой там грунт.

— Знал.

— И ничего не сказали.

— Ты не спрашивал.

— Потому что задача была элементарная. Перенести дрова от сарая к дому. Любой человек возьмёт тачку, если она стоит рядом.

— Ты взял.

— Да не в этом дело. Я просто хотел сделать быстрее.

Прохор спокойно отпил чай.

— И сделал?

Я уже набрал воздух, чтобы объяснить про узкое колесо, мягкий грунт и перегруженный кузов, но вдруг услышал собственный голос ещё до того, как начал говорить.

Те же доказательства я произносил с утра. Потом по дороге. Потом возле машины.

Я медленно выдохнул.

— Ладно.

— Что ладно?

— Ничего.

Прохор поставил кружку на стол.

— Хороший чай?

Я сделал глоток.

— Нормальный.

Он посмотрел на меня поверх кружки.

Я рассмеялся.

— Хороший. Чай хороший.

6. Детям можно играть на полянке

Чай действительно оказался хорошим. Когда мы допили, Прохор собрал кружки, отнёс их на кухню и, ничего не сказав, вышел во двор. Я остался у камина один.

Телефон лежал на столе экраном вниз. Машина стояла у крыльца с полным баком, новый кабель торчал из разъёма, навигатор снова знал, где я и куда собирался ехать. Всё, чего мне ещё утром так не хватало, теперь было на месте. Оставалось только попрощаться и отправиться в забронированный дом.

Я взял телефон. Было уже после двух. Доехать успею спокойно. Посижу ещё немного — и поеду. Убрав телефон в карман, я снова устроился в кресле.

Из-за дома донёсся стук дерева о дерево, затем короткий скрежет пилы. Я подождал, пока звук повторится, поднялся и вышел на крыльцо.

День был тёплый, и после прохлады дома солнце приятно согрело плечи. На поляне стрекотали кузнечики, в высокой траве возле леса что-то шуршало, а над грядками за сараем два воробья с совершенно хозяйским видом прыгали между листьями клубники. Прохор стоял возле старого верстака и рассматривал несколько тонких дощечек, разложенных рядом с куском круглой рейки, проволокой и горсткой гвоздей.

— Что строим? — спросил я.

— Пока думаю.

— Это я уже вижу. Что должно получиться?

Прохор кивнул в сторону грядок.

— Воробьи клубнику едят.

Я посмотрел на двух нарушителей. Один как раз вынырнул из-под листьев с красным кусочком в клюве.

— Сеткой накрыть.

— Можно.

— Самое простое решение.

— Может быть.

Я подошёл ближе к грядке. Над ней на тонких палках висели выцветшие полоски ткани, которые лениво шевелились от ветра. Воробьи не обращали на них никакого внимания.

— Пугало поставить.

— Было.

— И?

— Привыкли.

— Тогда что-нибудь движущееся. Чтобы ещё звенело.

Прохор положил одну дощечку поперёк другой.

— Вертушку.

Я снова посмотрел на материал.

— Из этого?

— А чем эти плохи?

Вопрос прозвучал совершенно серьёзно. Я взял одну дощечку, провёл пальцем по кромке. Сухая сосна, лёгкая, но все четыре заготовки были разной ширины и толщины.

— Для начала их надо сделать одинаковыми.

— Сделай.

— Чем?

Прохор молча показал на верстак. Там лежали рубанок, ножовка, несколько стамесок, ручная дрель, молоток и маленький деревянный угольник. Инструменты были старые, но ухоженные; металлические части потемнели от времени, а деревянные ручки отполировались ладонями до гладкости.

— Электрোলобзика, конечно, нет.

— Нет.

— Шуруповёрта?

— Тоже нет.

Я вздохнул и взял рубанок.

С первой дощечкой я сначала промучился: слишком давно не держал в руках обычный рубанок и никак не мог поймать правильный угол. Со второго прохода лезвие пошло ровнее, и тонкая, почти прозрачная стружка стала сворачиваться в светлые кольца. От свежего дерева пахло смолой. Я приложил к первой заготовке вторую, снял ещё немного, проверил угольником и вдруг поймал себя на том, что уже не думаю ни о машине, ни о маршруте.

Прохор стоял рядом, но не помогал и не подсказывал. Только иногда убирал стружку с края верстака, чтобы она не лезла под руки.

— Отверстие в центре нужно точное, — сказал я больше себе, чем ему. — Иначе будет бить на оси.

— Значит, точное.

— А втулка есть?

Прохор порылся в небольшой жестяной коробке и положил передо мной короткий кусок медной трубки.

— Вот это уже разговор.

Я примерил трубку к будущей ступице.

— Почему сразу не показали?

Прохор посмотрел на меня.

Я тоже посмотрел на него и рассмеялся.

— Ладно. Не начинаем.

— Я и не начинал.

Четыре лопасти постепенно стали похожи друг на друга. Я разметил центр, просверлил отверстие ручной дрелью, вставил медную втулку и собрал крестовину. Она получилась тягеловой. Я подул на край одной лопасти. Вертушка качнулась и остановилась.

— Не пойдёт, — сказал я. — Сопротивление большое. Надо угол дать.

Снял лопасть, подрезал край, снова поставил. Потом вторую. На третьей уже не пришлось мерить — рука запомнила движение.

И вместе с этим движением неожиданно пришло другое воспоминание: тонкая деревянная рейка, которую я в детстве распаривал над кипятком, медленно изгибая по корпусу модели корабля. Пospешишь — треснет. Недогнёшь — останется щель. Я мог часами возиться с одним бортом, потом

ставить корпус на стол, отходить на несколько шагов и прищуриваться, высматривая неровность, которую кроме меня, скорее всего, никто бы и не заметил.

Потом вспомнились макраме, резьба по дереву, радиоэлектроника, другие кружки, в которые я успел походить в детстве. Позже появилось программирование — чёрный экран, мигающий курсор и совершенно непонятная постороннему человеку радость, когда несколько строк команд вдруг делали именно то, что ты задумал.

Я положил нож и посмотрел на свои руки. Стружка прилипла к рукаву, на большом пальце темнела полоска от дерева.

— Давно не делал? — спросил Прохор.

— Что именно?

— Вот так.

Я оглядел верстак.

— Наверное, со времён института. Может, даже раньше. В школе постоянно где-то пропадал: моделирование, резьба, радио, потом программирование. А дальше университет, общежитие, армия, работа. Вырос.

Прохор кивнул, будто последняя часть ответа его вполне устроила.

— Бывает.

Я снова взял лопасть.

— Детям можно играть. У них для этого время есть.

— А ты сейчас что делаешь?

— Я не играю. Я создаю устройство для отпугивания воробьёв.

Прохор посмотрел на деревянную вертушку у меня в руках.

— Тогда всё серьёзно.

Я не выдержал и засмеялся.

В какой-то момент он принёс маленькую жестяную пластинку и предложил закрепить её на оси так, чтобы при вращении она задевала за гвоздь. Я сначала хотел объяснить, что звук получится нерегулярным и лучше сделать отдельный ударник, но попробовал так, как он предложил. Жестянка звякнула.

— Сойдёт, — признал я.

— Воробьёв спросим.

Мы установили готовую конструкцию на длинной палке возле грядки. Ветра почти не было, и несколько секунд вертушка стояла неподвижно. Мне уже хотелось снять её и ещё раз изменить угол лопастей, когда из леса пришёл порыв. Одна дощечка дрогнула, потянула следующую, крестовина медленно повернулась и вдруг легко пошла по кругу.

Жестянка начала негромко позвякивать.

Дзинь. Дзинь. Дзинь.

Из клубники вспорхнули два воробья и уселись на берёзу. Оттуда они внимательно смотрели на новое сооружение, будто им тоже было интересно, чем закончатся испытания.

— Работает, — сказал я.

— Пока мы здесь.

— Вы всегда найдёте, как испортить момент.

— Зато завтра не обидишься на воробьёв.

Я засмеялся снова и вдруг понял, что за весь день делаю это уже не первый раз.

Прохор ушёл в сторону дома, а я остался возле вертушки. Ветер то стихал, то возвращался, и каждый раз лопасти начинали вращаться немного по-разному. Я поправил втулку, изменил положение пластинки, затем снова подогнул одну лопасть. Никакой необходимости в этом уже не было — устройство работало. Просто мне хотелось, чтобы работало лучше.

Телефон в кармане завибрировал. Я машинально достал его и только тогда увидел время.

Почти четыре.

Несколько секунд я не мог понять, куда исчезло больше часа. На экране висело сообщение от владельца забронированного дома: «Максим, добрый день. Подскажите, пожалуйста, во сколько вас ожидать?» Ниже светились рабочие уведомления и сообщение от Ларисы: «Доехал?»

Я поднял глаза. Машина стояла у крыльца, чистая, заправленная, полностью готовая к дороге. Навигатор уже однажды показал маршрут. Никаких причин оставаться здесь больше не было.

Кроме одной.

Мне не хотелось уезжать.

Я ещё раз посмотрел на экран. Можно было написать хозяину дома, что буду вечером. Два часа дороги — и всё вернётся в тот отпуск, который я себе запланировал: отдельный дом, лес, тишина, никакого странного старика и деревянных вертушек.

Пальцы уже набрали: «Буду примерно к шести...»

Я остановился.

Стёр сообщение и написал другое: «Сегодня не приеду. Прошу прощения, что не предупредил раньше. Если возможно, сохраните бронирование с завтрашнего дня. Дополнительные расходы оплачу».

Отправил. На берёзе один из воробьёв перелетел на ветку пониже и снова устался на вертушку.

Я открыл переписку с Ларисой.

«Нет. Вернулся к Прохору. Решил остаться здесь до завтра».

Ответ пришёл быстро:

«Сам решил?»

Я перечитал эти два слова. В другое время, наверное, успел бы найти в них и упрёк, и недоверие, и ещё несколько смыслов, которых там могло не быть.

«Да. Сам».

Через несколько секунд появилось улыбающееся лицо.

«Тогда вечером позвони. И пришли нормальную фотографию этого загадочного дома».

Я отошёл на край поляны и сфотографировал крыльцо,

высокую крышу, лес за домом и вертушку возле грядки. Прохор как раз вышел из сарая и оказался в кадре спиной.

— Я вас сфотографировал, — предупредил я.

Он обернулся.

— Уже?

— Случайно.

Прохор выпрямился, поправил рубаху и встал рядом с вертушкой.

— Ещё раз снимай. Я там, наверное, сутулый.

— А сейчас нет?

— Сейчас я приготовился.

На второй фотографии вертушка занимала почти половину кадра, Прохор стоял рядом с таким серьёзным видом, будто принимал новый объект в эксплуатацию, а на берёзе за его плечом сидели оба воробья.

Я показал снимок.

— Пойдёт?

Прохор прищурился.

— Воробьи лишние.

— Это заказчики. Пришли посмотреть, куда деньги ушли.

Прохор рассмеялся и пошёл к дому.

Я отправил фотографию Ларисе. Она почти сразу ответила: «Теперь понятно. Ты нашёл себе объект».

Я хотел написать, что это никакой не объект, потом посмотрел на вертушку, на стружку возле верстака, на разбросанные инструменты и решил не спорить.

К вечеру ветер стал ровнее. Лопасты крутились почти без остановки, и над грядками время от времени раздавался негромкий звон. Воробьи пока держались на берёзе, хотя по их виду было понятно: капитуляцию никто не подписывал.

Я помог Прохору убрать инструменты. Он по очереди протёр их тряпкой и положил на прежние места, а я свернул остаток проволоки, собрал стружку и подмёл верстак. Когда закончили, на поляне уже вытянулись длинные тени, а воздух стал прохладнее.

— Ну что, наигрался? — спросил Прохор.

Я посмотрел на вертушку.

— Завтра посмотрим, что скажут воробьи.

— Значит, не наигрался.

Я усмехнулся.

— Детям можно играть на полянке. Я же взрослый человек. У меня испытания продолжаются.

— Тогда ужинать пойдём, взрослый человек.

Я пошёл за ним к дому. В кармане лежал работающий телефон, у крыльца стояла машина с полным баком, а где-то в двух часах езды меня ждал забронированный дом. Всё это никуда не исчезло.

Когда дверь за нами закрылась, над грядками ещё несколько раз тихо звякнула жестянка. Я прислушивался к ней, пока звук не смешался с потрескиванием дров в печи.

7. Прыжок

К ужину Прохор выкатил кочергой из золы несколько картофелин, смахнул с них серую пыль и переложил на деревянную тарелку. Рядом появились соль, зелёный лук и кружка молока. После целого дня на воздухе ничего другого мне и не хотелось. Картошка была горячая, рассыпчатая, с тонкой подгоревшей кожурой и сильным запахом дыма. Я обжёг пальцы, переломил клубень пополам и несколько секунд просто сидел, глядя, как из середины поднимается белый пар.

За окном время от времени звякала вертушка. К вечеру воробьи окончательно перестали считать её угрозой. Один уже дважды садился прямо на палку, второй спокойно хозяйничал в клубнике, и всё сооружение теперь больше развлекало меня, чем охраняло грядки.

— Завтра переделаю, — сказал я.

Прохор отломил кусок хлеба.

— Значит, завтра будет чем заняться.

— Я вообще-то до завтра и остаюсь.

— Вот и хорошо.

Я хотел уточнить, что одно совсем не означает другого, но вовремя вспомнил тачку и занялся картошкой.

После ужина вышел на поляну позвонить Ларисе. Возле дома связь держалась неуверенно, а у края леса телефон пой-

мал две полоски и решил, что этого достаточно.

— Ну что, инженер по воробьям? — спросила Лариса вместо приветствия.

— Испытания продолжаются.

— Судя по фотографии, заказчики недовольны.

Я посмотрел на берёзу. Оба заказчика сидели там и терпеливо ждали, когда стемнеет.

— Есть замечания к проекту.

Лариса засмеялась. Я тоже улыбнулся и прошёлся вдоль поляны. Говорили мы неожиданно долго и при этом почти ни о чём важном: о Москве, о погоде, о том, что она ела на ужин, о моей рубашке, которую я всё-таки забыл положить в сумку. Несколько раз разговор сам подходил к работе, и каждый раз я чувствовал знакомое желание объяснить, что происходит на объекте, кто кому должен позвонить и как всё будет решаться. Но Лариса не спрашивала.

Я так и не заговорил о работе. Мы ещё немного поболтали о всяких мелочах, и впервые за долгое время мне не хотелось возвращать разговор к объекту.

Перед тем как попрощаться, она спросила:

— Ты завтра уедешь?

Я посмотрел на тёмные верхушки сосен, на свет в окне и на вертушку, которая снова коротко звякнула от слабого порыва.

— Не знаю. Утром решу.

— Хорошо.

Ни совета, ни вопроса «почему» не последовало. От этого простого «хорошо» стало почему-то легче.

Когда вернулся в дом, постель уже была приготовлена. В очаге догорало толстое полено. Прохор сидел возле огня, подперев ладонью подбородок, и, казалось, смотрел не на пламя, а куда-то значительно дальше него.

— Спать? — спросил я.

— Если хочешь.

— А если не хочу?

— Тогда не спи.

Я усмехнулся.

— С вами всё очень просто.

— Иногда.

За день тело приятно устало: побаливали ладони после дров и канистры, тянуло плечи, в ногах чувствовались пройденные километры. Чувствуя, как тяжелеют веки, я решил лечь в постель.

Вертушка за окном ещё несколько раз подала голос: короткое «дзинь», пауза, ещё одно — и вскоре ветер стих.

Сначала мне приснился холод.

Я вырос на Крайнем Севере, и зимний холод умел жить не только на улице. Он прятался возле окон, собирался по углам комнаты, рисовал на стекле причудливые узоры и к ночи словно подползал ближе к кровати. В такие вечера мама взбивала тяжёлую пуховую перину, а папа нагревал в духовке обычный красный кирпич, заворачивал его в ткань и клал

мне в ноги.

Кирпич сначала был слишком горячим. Я отдёргивал пятки, потом осторожно возвращал их и чувствовал, как тепло медленно расходится под периной. Мама подтыкала одеяло со всех сторон, папа проверял, не обжигает ли кирпич, и комната постепенно становилась меньше — до кровати, их голосов и белых ветвей на стекле.

Я смотрел на белые ветви, пока они не начинали двигаться.

И в какой-то момент они действительно зашевелились. Одна белая ветвь вытянулась вверх, истончилась и стала похожа на трещину. Она прошла через всё окно, стекло потемнело, стены комнаты растворились, и я уже стоял на широкой бетонной плите высоко над землёй.

На мне был тёмный костюм — слишком дорогой и слишком чистый для стройплощадки. Ветер тянул за полы пиджака, но за спиной всё жило с безупречной точностью, будто никакого ветра там не существовало. Стекланные башни отражали свет, по дорогам непрерывно двигались машины, краны поворачивались над стройками, лифты скользили вверх и вниз, а на огромных экранах менялись цифры. Город работал. В нём всё имело направление, назначение и порядок, и от этого знакомого устройства мира сначала даже стало спокойнее.

Но стоило опустить взгляд, и спокойствие исчезло.

Бетон обрывался в пропасть, рассёкшую землю от гори-

зонта до горизонта. Я подошёл ближе и сразу почувствовал, как высота собирается тяжёлым холодом где-то под рёбрами. Дна не было видно. В глубине медленно двигались облака, а на другой стороне, среди серого камня, зеленела маленькая поляна.

Она казалась почти невозможной рядом с городом. Трава, деревья, мягкий свет — всё было таким живым, что хотелось смотреть только туда. Но по самому краю поляны поднималась высокая каменная стена. Камни лежали плотно, один к одному, без ворот, калитки и даже щели. Над ней были видны только верхушки деревьев и кусок светлого неба.

Из-за стены донёсся негромкий деревянный стук.

Звук был обыкновенный, но во мне на мгновение что-то сжалось так резко, будто тело узнало его раньше памяти. Перед глазами мелькнула тёмная дверь, чья-то рука на ней и полоска света, исчезающая вместе со щелчком замка. Я успел почувствовать собственное дыхание — слишком громкое для темноты, — и картинка пропала.

Я пошёл вдоль края пропасти, надеясь найти переход. Сначала в одну сторону, потом в другую. Через какое-то время стало ясно, что это бессмысленно: пропасть тянулась дальше, сколько хватало глаз, а стена на противоположной стороне оставалась всё такой же ровной и неприступной. Я поднял небольшой камень и бросил вниз. Он долго уменьшался, потом исчез в облаках. Звука удара я так и не услышал.

— Очень информативно, — пробормотал я.

— Поэтому и не лезь.

Голос раздался за спиной так естественно, словно его обладатель всё это время стоял рядом. Я обернулся и увидел дорогу, которой секунду назад не было. Чистый асфальт начинался прямо на бетонной плите и уходил между зданиями. Разметка, фонари, ни одной ямы, ни одного поворота, где можно ошибиться. Возле большой чёрной машины стоял мужчина примерно моего возраста.

Светлый костюм сидел на нём без единой складки. Туфли блестящие, волосы были аккуратно уложены, лицо спокойно. Угрожающим он не выглядел. Чем дольше я смотрел, тем сильнее меня не отпускало странное чувство узнавания. Внешне мы тоже были похожи, но больше всего узнавались спокойствие, чуть заметное нетерпение и уверенность человека, который уже всё обдумал и теперь не понимает, зачем терять время на обсуждение.

Так мог бы выглядеть я, если бы однажды окончательно научился ничего не оставлять случаю.

— Поехали, — сказал он, открывая водительскую дверь.

Я посмотрел на ровную дорогу за его спиной. Она выглядела настолько надёжной, что почти хотелось согласиться прежде, чем выяснять подробности.

— Куда?

— Дальше.

— А точнее?

Он слегка нахмурился, как я сам хмурился на совещаниях, когда кто-нибудь задавал вопрос, ответ на который казался мне очевидным.

— Туда, куда нужно.

Я снова повернулся к поляне.

— А туда?

Мужчина даже не проследил за моим взглядом.

— Там дороги нет.

Это было правдой. Ни дороги, ни моста, ни хотя бы хлипкой лестницы через пропасть действительно не существовало. Но теперь меня занимало другое.

— Стену кто построил?

Он не ответил сразу: закрыл дверь машины, провёл ладонью по крыше и лишь потом сказал:

— Я.

Он сказал это спокойно, без вызова и гордости, будто речь шла о давно завершённой работе.

— Зачем?

— Нужно было защитить.

Из-за стены снова донёсся тот же короткий стук. Я невольно напрягся.

— Кого?

Мужчина наконец посмотрел туда, куда всё это время смотреть не хотел.

— Тебя. То, что в тебе тогда было слишком беззащитным.

Перед глазами опять на долю секунды возникла тёмная

дверь. На этот раз к ней добавился холодный пол и ощущение, что за дверью кто-то уходит, а я остаюсь. Я попытался удержать воспоминание, но оно рассыпалось, оставив после себя только знакомый металлический привкус во рту.

— Тогда? — переспросил я.

— Ты был ребёнком.

Он произнёс это так просто, что спорить было не с чем. Ребёнком. Маленьким, слабым, не умеющим защитить себя. Если за такой дверью действительно произошло то, что сейчас пыталась вернуть память, стена могла казаться единственным разумным решением.

Только с тех пор прошло много лет.

Я посмотрел на мужчину внимательнее.

— Но я вырос.

— Именно поэтому всё получилось.

Пока он говорил, в стеклянных стенах города одна за другой вспыхивали знакомые картины: совещания, на которых все ждали моего решения, ночные звонки, сметы, переговоры, объекты, которые приходилось вытаскивать из почти безнадёжного состояния. Я действительно умел собираться, когда вокруг начинался хаос. Возможно, когда-то именно это меня спасло. Позже стало полезным. Потом привычным. А момента, когда привычка превратилась в единственно допустимый способ жить, я не заметил.

— Посмотри, — мужчина кивнул на город. — Работает.

Работало всё. Только теперь, присмотревшись, я заметил

странность: в сотнях освещённых окон не было видно ни одного человека. По дорогам двигались машины, в башнях поднимались лифты, краны переносили грузы, цифры продолжали расти — а город казался одновременно огромным и пустым.

— И куда дальше? — спросил я.

— Вперёд.

— Куда именно?

Мужчина посмотрел на меня с тем же спокойным недоумением.

— Какая разница? Главное — не останавливаться.

Слова зацепились за память. Сколько раз я сам говорил себе почти то же самое: «сначала разберёмся», «нужно собрать информацию», «сейчас не время», «слишком много неизвестных». Всё звучало разумно, часто спасало от ошибок и постепенно стало подходить почти к любой двери, которую я не решался открыть.

За стеной шелестели деревья. На моей стороне воздух стоял почти неподвижно, а там листья двигались, будто поляна жила по своим законам.

— Мне туда, — сказал я.

В лице мужчины впервые что-то изменилось. Привычное спокойствие ушло; в глазах появилась настоящая тревога.

— Нет.

Он подошёл ближе к краю вместе со мной и заговорил уже не как собеседник, а как человек, пытающийся остано-

вить явную глупость. Перед нами не было моста. Расстояние определить невозможно. Опоры нет. Расчёта нет. Никто не переходил здесь раньше, по крайней мере мы не видели ни одного следа. В нормальной жизни я первым потребовал бы исходные данные и сам высмеял бы человека, который предложил действовать без них.

Я слушал и узнавал собственные слова. Я столько раз произносил их другим и себе, что мог продолжить за него. Не рискуй. Подготовься. Подожди. Сначала разберись. Не делай того, чего не понимаешь.

— Садись, — сказал мужчина уже мягче. — Я всё решу.

Вот здесь я вдруг услышал не только его, но и себя. Именно таким голосом я разговаривал, когда был уверен, что лучше знаю, что следует делать. Не спрашивал — решал. Не ждал — выбирал. И чем дольше всматривался в стоявшего рядом человека, тем труднее было отделить его от того голоса, который годами первым отзывался внутри на любую опасность.

Когда-то мне, возможно, действительно был нужен такой капитан. В тот момент, когда мир оказался сильнее меня, он встал к штурвалу и повёл туда, где было безопаснее. Только потом так и не отошёл.

Машина за нашими спинами тихо работала. Достаточно было сделать несколько шагов, сесть рядом и снова отдать ему дорогу.

— Нет, — сказал я.

Он ждал продолжения.

— За руль я сяду сам.

Мне самому фраза показалась почти смешной: никакого руля поблизости, кроме автомобильного, не было. Но мужчина не улыбнулся.

— Ты не понимаешь, чем рискуешь.

— Не понимаю.

— Тогда как можно принимать решение?

Я открыл рот и закрыл. Нормального ответа не существовало. Я действительно не знал, что находится за стеной, можно ли долететь до противоположного края и что произойдёт, если не долечу. Страха от этого меньше не стало.

Я снова посмотрел на стену. Раньше «не знаю» почти автоматически означало для меня «нельзя». Сейчас между этими словами впервые появилась щель.

Подойдя к самому краю, я посмотрел вниз. Высота тут же отозвалась в животе, ноги налились тяжестью, и тело осторожно отодвинуло меня назад. На другой стороне всё так же стояла стена. Ни знака, ни обещания, ни голоса, который подсказал бы, что я поступаю правильно.

— Последний раз говорю: поехали, — услышал я за спиной.

Я сделал ещё шаг назад. Потом второй. Мужчина, кажется, решил, что доводы наконец подействовали, и заговорил спокойнее — о том, что сейчас мы сядем в машину, всё разберём, найдём другой путь, вернёмся к вопросу позже. Его

голос постепенно смешивался с шумом города, а я продолжал отходить от края и чувствовал, как под подошвами появляется достаточно бетона для нескольких быстрых шагов.

Мне нужен был разбег.

Из-за стены донёсся едва слышный звук, похожий на короткий вздох. Я не знал, был ли он на самом деле или родился у меня в голове, и впервые не стал выяснять.

Повернувшись к пропасти, я вдохнул и побежал.

Мужчина что-то крикнул. Первые шаги дались тяжело: тело ещё надеялось, что я передумаю, мышцы словно придерживали движение и просили хотя бы ещё секунду. Но через мгновение ритм выровнялся, бетон быстро пошёл под ноги, и край стал приближаться с пугающей скоростью.

Я не верил, что долечу. Верить в это было не на чем.

Я верил только в одно: этот шаг должен быть моим.

За два шага до пропасти страх ударил так сильно, что я почти остановился. Почти. Последний шаг пришёлся туда, где бетон уже заканчивался.

Я прыгнул.

На первое мгновение тело ещё помнило разбег, и мне показалось, что расстояния хватит. Воздух ударил в лицо, противоположный край рванулся навстречу, я вытянул руки — скорее инстинктивно, чем надеясь за что-то ухватиться.

Потом движение вперёд закончилось.

Я начал падать.

Это оказалось страшнее самого прыжка. Стена медленно

поползла вверх, поляна исчезла за её краем, а город, ещё недавно стоявший за спиной, теперь оказался высоко надо мной. Оттуда доносился голос мужчины, но ветер рвал слова на части, и я уже не мог понять, предупреждает он меня, сердится или по-прежнему пытается спасти.

И тогда стена дрогнула.

Сначала я решил, что это из-за падения качнулся весь сон. Но по камню прошла тонкая светлая трещина. Она разветвилась, ушла вверх, потом в сторону, встретилась с другой. Между камнями появился тёплый свет, похожий на свет из дома, который замечаешь издалека, возвращаясь поздно ночью.

Трещин становилось больше. Камни, столько лет державшиеся один за другой, начали сдвигаться и осыпаться внутрь поляны. Оттуда хлынул ветер, пахнувший травой, водой и чем-то ещё неуловимо знакомым.

В широком проломе мелькнуло белое.

Большая птица поднялась над разрушающейся стеной. Она расправила крылья, сделала круг над поляной, будто впервые пробовала пространство, которого давно не было, и вдруг повернула в мою сторону.

Я продолжал падать.

Внизу сквозь облака уже проступали камни. Я видел их всё отчётливее и в какой-то момент понял, что ничего больше сделать не могу. Нельзя было вернуться на край, изменить разбег, потребовать расчёт или придумать запасной ва-

риант. Решение осталось наверху. Теперь оставалось только падение.

Птица прижала крылья к бокам и устремила вниз следом за мной.

Она приближалась так быстро, что вскоре белое заполнило почти всё пространство вокруг. Я успел увидеть отдельные перья, почувствовать на лице сильный поток воздуха, а потом город, пропасть и разрушенная стена исчезли за взмахом крыльев.

До камней оставалось совсем немного, когда падение оборвалось.

Меня подхватили руки.

Рывка не было. Руки просто приняли мой вес — сразу весь, каким он был. Я не видел лица того, кто держал меня, и не понимал, как человеческие руки могут удерживать падающего человека посреди пропасти. Первым движением захотелось вцепиться в них самому, подтянуться, помочь, хоть как-то участвовать в собственном спасении. Но руки держали и без моей помощи.

Я перестал хвататься.

Несколько мгновений я просто позволял себя держать. Сердце всё ещё билось где-то в горле, дыхание не успело успокоиться, под ногами по-прежнему была бездна, но падения больше не было. Вокруг медленно кружились белые перья.

Я поднял голову. Высоко наверху, там, где ещё недавно

стояла сплошная стена, теперь зиял широкий пролом. За ним была поляна, залитая мягким светом, и деревья свободно качались на ветру.

Лица я так и не увидел. Но руки по-прежнему держали. Я больше не падал.

8. Шаг

— Максимушка.

Я открыл глаза и не сразу понял, почему падение прекратилось. Тело всё ещё ждало продолжения: живот был напряжён, пальцы судорожно сжимали край одеяла, а где-то совсем рядом продолжал жить ветер из пропасти. Я несколько раз моргнул. Вместо белых перьев над головой темнели потолочные балки, вместо камней под ногами была кровать, а из очага тянуло знакомым запахом вчерашнего дыма.

Проход сидел возле огня и подкладывал под тлеющее полено тонкую щепу. По его виду невозможно было понять, спал он вообще или просто пересел из вчерашнего вечера в сегодняшнее утро.

Я разжал пальцы. Ладони были пусты.

Руки, подхватившие меня над камнями, исчезли вместе со сном, но осталась странная память о том, что несколько мгновений мой вес держал кто-то другой и мне не пришлось помогать.

— Доброе утро, — сказал я и провёл ладонью по лицу.

— Доброе.

За окном всё ещё была ночь. В доме было прохладно, огонь ещё не успел прогреть воздух, и вылезать из-под одеяла хотелось значительно меньше, чем вчера вечером рассуждать о завтрашнем дне.

Прохор поднялся.

— За водой сходим.

— Сейчас?

— А когда?

Я посмотрел в окно. За окном была абсолютная темь, без единого признака зари.

— После восхода, например.

— Вода не обидится. Можешь и после.

Он сказал это совершенно серьёзно и вышел в соседнюю комнату. Я ещё несколько секунд посидел на кровати, пытаюсь понять, получил разрешение продолжить спать или приглашение перестать торговаться с утром. Потом натянул брюки, свитер и пошёл следом.

У двери стояли два пустых оцинкованных ведра. Прохор взял одно и подвинул второе ко мне.

— Далеко? — спросил я.

— Недалеко.

Ответ уже начинал казаться подозрительно знакомым.

На улице пахло мокрой травой и холодной землёй. Вертушка над грядками застыла: ветра не было, и вчерашнее устройство выглядело так, будто всю ночь тоже отдыхало. Небо над лесом оставалось почти чёрным, а поляна ещё лежала в густой темноте. Прохор пересёк двор и направился к деревьям.

Первые минуты я шёл молча, слушая, как дужка пустого ведра тихо постукивает о край. Потом профессиональное за-

болевание всё-таки проснулось раньше меня. Я начал прикидывать расстояние до дома, перепад высот и место, где можно было бы поставить насос. Через несколько десятков шагов в голове уже существовали труба, утеплённый ввод, небольшой гидроаккумулятор и вполне приличный водопровод.

«Человек ещё родник не увидел, а уже смету составляет», — подумал я и усмехнулся.

— Что? — спросил Прохор, не оборачиваясь.

— Ничего. Водопровод вам мысленно провёл.

— Хорошо провёл?

— Пока без проекта.

— Опасно.

Я посмотрел ему в спину. Кажется, это была шутка. С Прохором никогда нельзя было знать наверняка.

У самого леса темнота стала гуще. На открытой поляне ещё можно было различить землю и грядки, а между елями ночь словно держалась за каждый ствол. Тропа была узкой, влажной, местами уходила между корней и снова появлялась через несколько метров. Прохор шёл впереди легко, будто видел каждый камень ещё до того, как на него наступал. Мне же приходилось смотреть под ноги. Пустое ведро то цеплялось за траву, то задевало колено, и очень быстро утренняя прогулка перестала казаться романтической.

— Вот поэтому люди и придумали трубы, — сказал я.

Прохор ничего не ответил.

Тропа повернула. Старик на несколько секунд скрылся за

толстым еловым стволом, и почти одновременно откуда-то сверху донёсся низкий, протяжный звук.

— Ух-уух.

Я остановился.

Звук был негромкий. В обычный день я, вероятно, даже не обратил бы на него внимания. Но сейчас воздух вдруг застрял в груди, будто кто-то ладонью прижал рёбра изнутри. Пальцы стиснули металлическую дужку. Я хотел сделать следующий шаг и не смог.

— Ух-уух.

Где-то над головой тяжело хлопнули крылья. Между ветками мелькнула большая серая тень и исчезла в темноте.

Лес остался на месте — мокрые стволы, корни, узкая тропа, темнота между ветками. Я всё это видел. И одновременно уже не видел ничего.

Мне было тринадцать.

В подвале было сыро. На ящике лежала колода карт. Ребята были старше меня лет на пять — разница, которая сейчас почти ничего бы не значила, а тогда отделяла мальчишку от почти взрослых мужчин. Я пришёл туда не один. Рядом были мои приятели, поэтому сначала ничего не боялся.

Играли в «дурака» не на деньги. Проигравший должен был выполнить желание победителя. Пока проигрывали старшие, всё оставалось развлечением: они смеялись, спорили, меняли условия и легко прощали друг другу то, чего не хотелось делать. Потом проиграл я.

Желание оказалось не смешным.

Я отказался.

Сначала они решили, что я торгуюсь. Повторили. Я снова сказал «нет». Первый удар был почти ленивым — скорее предупреждение, после которого от меня ждали правильного ответа. Ответ не изменился.

После второго удара стало ясно, что это уже не игра.

Я помню не столько боль, сколько тех, с кем пришёл. Они отступили к стене. Кто-то смотрел в сторону. Никто не сказал «хватит». Никто не вышел за помощью. С каждым новым отказом ударов становилось больше, а расстояние между мной и моими приятелями словно растягивалось вместе с подвалом.

Я закрывал голову руками, падал, вставал и снова пытался сказать, что не буду. В какой-то момент перестал различать, кто именно бьёт. Остались только чужие ноги, пол, короткие вспышки света перед глазами и собственное дыхание, которое никак не удавалось поймать.

Потом дверь закрылась.

Вот этот звук я помнил лучше ударов.

Щёлкнул замок, шаги за дверью удалились, и подвал сразу стал огромным. Где-то капала вода. Во рту чувствовался металлический вкус. Болело всё тело, но страшнее боли было понимание, что никто не вернётся. Те, с кем я пришёл, ушли вместе с остальными.

Я сидел на холодном полу, прижав колени к груди, и пла-

кал. От боли. От страха. От бессилия. От ненависти к ним — и к себе за то, что оказался таким слабым и ничего не смог сделать.

Тогда внутри появилась короткая фраза. Не мысль даже — обещание, за которое можно было держаться в темноте.

Больше никогда.

Металл ударил о корень.

Я вздрогнул и увидел ведро, лежащее возле ноги. Видимо, пальцы всё-таки разжались. Лес вернулся не сразу. Сначала появились мокрые корни, потом еловые лапы, серый просвет впереди. Воздух вошёл в лёгкие рывком и тут же застрял снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.